

КИБЕР ПСИХОЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

И В КЕЛЛЕР

Иван Келлер

Кибер психоз

«Автор»

2026

Келлер И. В.

Кибер психоз / И. В. Келлер — «Автор», 2026

2372 год. Город, который никогда не спит, и системы, которые никогда не прощают. Неоновые огни мегаполиса давно заменили солнце, а вместо крови по венам жителей течет синтетический стимулятор. В 2372 году человечество окончательно слилось с «железом», но цена этого прогресса оказалась непомерной. Главные герои — Джеймс "Масло" Финтег и Келл "Док" Вэйд, агенты правительственной структуры. Когда очередной «простой» взлом корпоративного сервера идет не по плану, они оказываются в центре заговора, способного обнулить саму реальность. В мире, где каждый шаг отслеживается алгоритмами, а доверие — самая дорогая валюта, им предстоит выяснить: кто они на самом деле — охотники или жертвы.

© Келлер И. В., 2026

© Автор, 2026

Иван Келлер

Кибер психоз

Сеттинг.

2372 год. Земля киберпанк-цивилизация, где люди и множество разумных рас: эльфы, орки, гномы, дворфы, гоблины, минотавры, арахни, наги, оборотни и другие живут бок о бок. Огромные мегаполисы насчитывают десятки миллионов разумных. Богатые районы контролируют корпорации и элиту, тогда как нижние уровни заполнены промышленными зонами, трущобами и преступными группировками. Многие здесь не живут, а просто существуют. Основная власть принадлежит корпорациям. Государства формально существуют, но сильно зависят от них. Корпорации конкурируют за ресурсы, технологии и влияние, используя частные армии, наемников, роботов и дронов. Вторая война с эльфами стала одной из крупнейших катастроф недавней истории. Миллионы погибли, а её последствия до сих пор влияют на политику, армию и отношения между расами. Технологии чрезвычайно развиты: огнестрельное и плазменное оружие, рельсотроны, ЭМИ-системы, бронетехника, роботы, нейроинтерфейсы и аугментации стали частью повседневной жизни. Кибернетические конечности, усиленные кости, искусственные органы и боевые импланты доступны большинству населения, но их качество напрямую зависит от достатка. Искусственные интеллекты используются в промышленности, транспорте, медицине, безопасности и управлении инфраструктурой. Интернет объединяет мир и содержит как легальную информацию, так и подпольные рынки, запрещённые технологии и криминальные сети. Рабство официально запрещено, однако коррупция, долговая кабала, торговля людьми и нелегальная эксплуатация существуют практически везде. Законы, традиции и уровень жизни сильно различаются между городами и регионами. Магия практически исчезла и считается пережитком прошлого или выдумкой. О ней знают в основном из книг, игр и фильмов, хотя отдельные древние артефакты и исторические находки до сих пор не получили объяснения. Валюта UK (Union Credits) Корпорации строят планы, армии воюют, преступники преследуют свои цели, а миллиарды разумных продолжают жить собственной жизнью.

Глава 1.

21 марта 2372 года

Вторник. 22:47.

Промышленный район Нижнего яруса.

— Повторяю для тех, кто в броневики: объект — старый логистический узел, восьмой сектор, — сквозь треск помех прорвался голос диспетчера. — Сигнал о возможном устройстве поступил час назад. Никакой эвакуации. Периметр держит местная охрана.

Джеймс смотрел через тонированное окно на бесконечные ряды ржавых контейнеров и покосившихся вышек. Он машинально проверил крепление пулемёта, щелкнул предохранителем гранатомета и сунул в рот сигарету.

— “Возможном устройстве”, — передразнил он, не вынимая сигареты из зубов. — Если бы это была простая мина, звали бы сапёров. А раз зовут нас, то там либо сюрприз с начинкой, либо кто-то уже соврал в рапорте.

Келл сидел напротив, придерживая мед кейс на коленях. Он смотрел на экран планшета, куда подгружались отрывочные данные с места: тепловые пятна, размытые снимки, пометки охраны.

— Вирусное заражение в герметичном контейнере — это не “сюрприз”. Это либо шантаж, либо испытание, либо привет из корпоративной лаборатории. И в любом из вариантов меня вскрывать будут после тебя.

Броневи́к резко затормозил. Снаружи мигнул прожектор, выхватив из тьмы бетонное здание с сорванной крышей и покосившейся эмблемой транспортной компании. У входа уже стояли несколько фигур в тёмной форме без опознавательных знаков.

— Приехали, — сухо бросил водитель. — Дальше пешком.

Логистический узел “Восток-9” выглядел так, будто его бросили лет десять назад, а теперь сюда притащили пару ящиков с надписью «биологическая опасность» просто для антуража. Дождь начал накрапывать, барабана по ржавой обшивке и брезенту у входа.

— Внутри тихо. Охрана говорит, сработал датчик вскрытия на третьем уровне, — к Джеймсу и Келлу подошёл старший охранник, не снимая шлема.

— Наши вглубь не ходили. Там темно, и связь на нижних ярусах дохнет.

— Значит, так, — Джеймс швырнул сигарету в лужу и дернул затвор пулемёта. — Я иду первым. Ты, Док, за мной, три шага. Если я скажу «назад» — бежишь, даже если я останусь внутри.

— Ты эту речь репетировал перед зеркалом? — Келл проверил герметичность костюма и включил фонарь на наплечнике. — Я не за тем сюда ехал, чтобы оставить тебя с вирусом наедине. Идём.

Первый зал встретил их вонью машинного масла, мокрого бетона и чего-то едко-химического. В дальнем конце, за перекошенными стеллажами, слабо мигала красная лампа, освещающая опрокинутый контейнер с разбитой пломбой.

— Вот и наша посылка, — тихо сказал Джеймс, останавливаясь у пролома в полу. Внизу, на третьем уровне, что-то коротко щелкнуло — раз, другой. Звук был слишком ритмичным для случайности.

— Это не датчик, — Келл присел у края и направил луч фонаря в темноту. На ржавых конструкциях блеснули свежие царапины. — Сюда уже кто-то спускался. Совсем недавно.

21 марта 2372 года

Вторник. 22:52.

Логистический узел “Восток-9”, первый зал.

Джеймс не ответил. Вместо этого он чуть наклонил голову, и его кибернетический глаз коротко, едва слышно, перещелкнул режим — радужка провернулась, словно линза старой камеры, и на мгновение в слабом свете красной лампы блеснул металл.

— Док, не твоя забота. Активирую спектрометр в глазу. Более часа назад тут были. Забей. Идём дальше. Спектрометр работал в пассивном диапазоне: по краю зрения Джеймса поплыли смазанные цифры, подсвечивая микрочастицы на ржавых конструкциях, остаточную пыль, осевшую на свежих царапинах, и выцветшие пятна масла. Возраст повреждений складывался из плотности окисления и следов аэрозольной взвеси. Час? Может, полтора. Точнее не скажет даже его собственный глаз — но и этого достаточно. Люди, вскрывшие контейнер, ушли давно. Либо они давно здесь, затаились и чем-то натерли металл позже.

— Финтег, я тут твоя поддержка, а не балласт, — Келл выпрямился, не убирая фонаря с пролома. — Может, проверим еще раз?

Джеймс перевел взгляд с цифр на Дока. Тот уже сдвинул мед кейс выше на плечо и смотрел вниз, туда, где ритмично щелкало. Его фонарь выхватывал из тьмы кусок лестницы, обрушенной наполовину, и край технического мостика с рваными перилами. Луч дрожал в такт щелчкам, будто сам звук шел откуда-то из-под металлических перекрытий.

— Раз проверил — уже проверил, — отрезал Джеймс. — Это не свежий след. А щелчки — не гвоздь и не капля. Металл остывает или механизм доживает. Бывает, что здания здесь щелкают после дождя.

— Или что-то считает, — тихо произнёс Келл, не споря, но и не отступая. — Я слышал такой ритм в карантинном блоке Дахау, когда сдохла система вентиляции. Тогда оказалось,

что реле открывало и закрывало заслонку. Только вот реле не оставляет царапин на несущих балках.

Джеймс не стал развивать. Вместо этого он шагнул к пролому и опустил ствол пулемета, целясь в темноту. Красная лампа продолжала мигать, и в её неровном свете был виден опрокинутый контейнер с разбитой пломбой : крышка приоткрыта на ладонь, изнутри не доносится ни шипения, ни запаха, кроме всё той же едко-химической вони, которая, кажется, въелась в стены.

— Спускаемся, — приказал Джеймс . — Три шага. Не меньше. Если щелчки из-под нас — не лезь вперёд.

— Значит, всё-таки вперёд, — пробормотал Келл , но уже двинулся следом. Красная лампа мигнула в последний раз и погасла. На несколько секунд первый зал погрузился в полную темноту, и только фонарь Дока метался по ржавым стеллажам. Затем где-то внизу громко, отчетливо щелкнуло — как будто переключился рубильник, — и по нижнему ярусу побежала цепочка тусклых аварийных огней. Они вспыхивали по одному, отступая вглубь туннеля, и гасли позади себя. — Вот теперь точно не реле, — сказал Джеймс , вставляя новую сигарету в угол рта. Он не прикуривал. Просто держал, как соску, пока палец лежал на спусковой скобе. — Это приглашение, — ответил Келл . — Или маршрут. Внизу, у подножия обрушенной лестницы, вспыхнул последний огонёк — на сей раз холодный, белый, ровный, не мигающий. Он высветил спуск на нижний ярус, и по стенам заскользили тени от чьих-то ног. Или от того, что висело над спуском на тросах. Джеймс снял оружие с предохранителя. Келл положил руку на рукоять боевого ножа , не сводя глаз с туннеля. — Три шага, Док, — негромко повторил Джеймс . — Если я скажу «назад» — беги. И не спорь. Туннель молчал, но теперь тишина стала другой: она прислушивалась к каждому их шагу.

21 марта 2372 года

Вторник. 22:54.

Логистический узел “Восток-9” , нижний ярус.

Джеймс даже не стал прицеливаться в тепло, мелькнувшее за поворотом. Лево́й рукой он уже выкрутил предохранитель подствольника, и в голове тихо щелкнул расчёт: дистанция, угол рикошета, радиус поражения. Плевать. Если это живые, им хватит. Если нет — тем более.

— Вспышка! — рявкнул он.

Гранатомёт мягко плюнул в темноту. Заряд ушёл по дуге, пересек цепочку тусклых огней и врезался в ржавый пиллер возле бегущих фигур. На долю секунды третий уровень исчез. Вспышка съела всё. Белое электрическое зарево залило ржавые стены, изогнутые балки, текущую по полу воду. Тени переломились, заматались. Потом пришёл звук: резкий, ватный, давящий. Грохот прокатился по бетонному коробу, отскочил от несущих колонн и вырвался наверх, в первый зал. Келл уже вжимался за угол, прикрыв лицо рукой. Электронные наушники довершили работу: хлопок превратился в глухой удар, будто по голове провели тряпкой. Глаза не сожгло. Уши не заложило. Хорошо. Он успел присесть раньше, чем вспышка лизнула сетчатку. Osprey-очки на миг потемнели, отсекая световую иглу. Он отнял руку от лица, часто моргая. Внизу, за поворотом, кто-то коротко вскрикнул. Вернее, не вскрикнул — этот звук больше напоминал вой сломанного сервопривода, перебиваемый частым клацаньем по металлу. Тут же застучали шаги. Трое, может, четверо. Они убегали дальше, вглубь туннеля, не разбирая дороги. Один споткнулся, и на ржавую решётку с грохотом упало что-то металлическое — массивный цилиндр , покотился, звякнул и замер у стены. Аварийные огни мигнули и снова побежали дальше, как будто их гонял сквозняк. Место падения осветилось на миг, и Джеймс успел выхватить из тёмного угла фигуру: не человек. Короткая, приплюснутая, с вытянутой головой. Похоже на гоблина в кустарной экзопластине. Тот перекатился за груды проржавевших ящиков и пропал. Сука. Гоблины. И не просто шваль из катакомб — экипированы. Джеймс выплюнул

так и не прикуренную сигарету. Мышцы вздернулись. Кибер Имплантаты правой ноги тихо загудели, стабилизация выровняла корпус. Он уже вскинул пулемёт, но цель исчезла. Тишина, наступившая после вспышки, была обманчивой. Где-то в глубине продолжал капать конденсат. Вода тонкой струйкой текла по ржавому жёлобу. Затем снова щелкнуло — на этот раз ближе. Словно кто-то включил и сразу выключил рубильник. — Противник спугнут и отходит, — сухо сказал Джеймс, не оборачиваясь. — Один поднялся по левому техническому каналу. Остальные ушли глубже. Хвостов не вижу. Он сделал шаг к краю спуска, и в свете его нашлемного фонаря засеребрились мокрые ступени. Ступени вели в полную темноту, откуда тянуло холодом и куревом. Старым табачным дымом и чем-то сладковатым, как перегоревший синтмёд. Келл поднялся, перевёл очки в боевой режим и пересчитал следы на пыльном бетоне у подножия лестницы.

— Четверо, — тихо сказал он. — Трое в ту сторону, один в другую. Патруль?.. Или загонщики. Они знали, что мы здесь. Шум гранаты их не остановит, только разозлит.

— Значит, будем злее, — отрезал Джеймс.

Не опуская пулемёта, он начал спуск. Сухой приклад упирался в плечо. Луч фонаря скользил по опорам, по разорванным кабелям, по осколкам стекла, втоптанном в бетон. На ступенях оставались свежие брызги — не вода. Келл двинулся следом, держа три шага. В правой руке — боевой нож, левая придерживала мед кейс. На нижнем ярусе пахло озоном, пылью и страхом. Чужим страхом. И это нравилось ему даже меньше, чем собственный. Светошумовая граната принесла не успокоение, а злую тишину. Туннель, уходящий вглубь, теперь казался живым: он отзывался на каждый шаг, и в этом эхе слышалось чужое дыхание.

Рапорт в темноту

21 марта 2372 года

Вторник. 22:56.

Джеймс не оборачиваясь, коротко ударил костяшкой по гарнитуре — в ухе стукнуло, зашипело, и сквозь помехи пробился слабый импульс связи.

— Масло — базе, — негромко произнёс он, нажимая на передатчик. — Мы на третьем уровне. Внутри было четверо... судя по всему, гоблины. Один ушёл по левому техническому каналу, трое отошли вглубь. Огонь не открывали. Хвостов за спиной нет. Продолжаем.

Он отпустил кнопку и вслушался в ответ. Вместо голоса диспетчера — лишь сухой треск, будто кто-то водил наждачкой по мембране. Потом далёкий, искажённый голос: — Принято... теряем вас... сигнал слабый... — и тишина.

— Естественно, — проворчал Джеймс. — Здесь даже эхо дохнет раньше, чем доберется до выхода. Он выключил передатчик и медленно повёл стволом влево, туда, где за ржавой опорой чернел вход в левый технический канал. Пулемёт прижимался к плечу, но взгляд уже скользил по полу, искал то, ради чего их сюда вызвали. Свежие брызги на ступенях, сорванная с петель дверь, рваный след от ботинок на пыли — всё указывало в глубину, в сторону туннеля, куда ушла тройка. Но не в канал.

— Вызывали нас не из-за этих ребят, — тихо сказал Джеймс. — Датчик вскрытия сработал раньше, чем они сюда полезли. Значит, где-то здесь до сих пор лежит то, что не должно было вскрыться. Он не отводил ствола от направления, куда ушли трое, и боковым зрением выхватывал пространство справа: опрокинутый контейнер, присыпанный пылью лоток с кабелями, ржавое пятно машинного масла, запекшееся на бетоне. Кибернетический глаз тихо перещелкнул режим, подстраиваясь под сумрак. Келл в этот момент смотрел не в темноту. Он смотрел на правую ногу Джеймса. Он увидел это, едва они тронулись с места: при переносе веса сервопривод бедра издал едва различимый, но неправильный звук. Не тот «дорожный» скрип старого шарнира, не вибрация от неровного бетона. Это было похоже на микро люфт в

стыке — на миг нога качнулась на долю миллиметра, и снова стабилизация подхватила корпус. Будто внутренний уплотнитель просел и не до конца вернулся в гнездо.

«Это не механика боя. Это усталость мяса в кибернетическом теле,» — подумал Келл, но вслух ничего не сказал.

Он перехватил боевой нож в левую руку, поправил мед кейс на плече и шагнул ближе, держа дистанцию в три шага, не меньше. Аварийные огни в глубине туннеля продолжали слабо мигать, выхватывая из мрака то кусок кабельного лотка, то оскаленную ржавчиной арматуру. На стенах дрожали блики, и тени двигались каждый раз, стоило лишь лучу нашемного фонаря Джеймса качнуться.

— Не торопись, Финтег, — тихо позвал Келл. — Твоя правая нога только что люфтанула. Сервопривод бедренного блока не подхватил подачу. Есть шанс, что гидроусилитель сбоит, и она подломится на скользком бетоне.

Джеймс коротко качнул головой:

— Я её слышу. Работает.

— Вот именно, что слышно, — возразил Келл. — Здоровый привод так себя не ведёт. Даже кибернетика не любит, когда на неё наступают всем весом в момент стабилизации. Может, после этого всего дашь глянуть.

— Сначала найди, из-за чего нас сюда пригнали, — холодно отозвался Джеймс. — Потом лечи. Если будет что лечить.

Он сделал ещё один шаг, и теперь луч фонаря лег точно на массивный цилиндр, замерший у стены. Тот тускло блестел — металл, покрытый каплями конденсата. Ни проводов, ни светящихся индикаторов. Скорее, походный контейнер: диаметром с предплечье взрослого орка, длиной с полруки. Такие таскают в разгрузках, если нужно перенести особый заряд или защищенный модуль.

— Вот он, — произнёс Джеймс, не опуская пулемёта. — Тот, кто споткнулся, выронил именно это. Значит, те гоблины не просто шарились по складу.

— Зачем им здоровенный цилиндр? — спросил Келл, приближаясь на шаг. — Такое не носят случайно.

Он всмотрелся в торец цилиндра: металл был неоднородным, со свежими царапинами и тусклой насечкой. На боку виднелись едва различимые символы — не гоблинские каракули. Заводская гравировка. И один слабый запах, который Келл уловил даже через фильтр костюма: кислый, медицинский, почти как проявитель в лаборатории.

— Док, — позвал Джеймс. — Сзади не подходи к нему. Я сниму его только после того, как пойму, не мина ли это. А ты пока прикрой левый канал. Если тот, что туда ушёл, сейчас заходит нам за спину, я хочу узнать об этом до того, как он замкнет круг.

Келл кивнул, шагнул вбок и развернулся спиной к Джеймсу, упираясь взглядом в чёрное жерло левого технического канала. Его фонарь выхватил мокрую трубу, идущую под потолком, и осклизлые ступени, уводящие вверх, в глубину. Где-то позади, в тёмном туннеле, вновь щелкнуло. Звук прошел по воде, по ржавым стенам, будто невидимый рубильник перекинулся с одного конца коридора на другой. Потом наступила тишина, и в ней отчётливо послышался шорох — так бывает, когда по бетону волокут что-то тяжёлое. Или когда кто-то очень аккуратно меняет позицию.

— Они перестраиваются, — едва слышно произнёс Келл.

— Значит, сейчас поймут, что потеряли ношу, — ответил Джеймс. — И вернуться.

Он опустился на одно колено, не отводя пулемёта от темноты.левой рукой вытащил из поясного крепления тактический монокуляр, поднес к кибернетическому глазу и медленно повёл им вдоль направления, куда ушли трое. Теперь он искал не цилиндр. Он искал устрой-

ство, из-за которого сработал датчик вскрытия. И, судя по тому, как дрожали аварийные огни, оно было всё ещё активно.

— Мы ниже, чем должны были быть, — добавил Джеймс. — Если сработал вскрышной датчик, то он должен быть на третьем уровне. Мы на нём. Где-то впереди должно быть помещение с защитным контуром. Там и проверим.

Келл продолжал смотреть в левый технический канал. Сверху, с мокрых ступеней, донеслось едва заметное металлическое клацанье. Или ему показалось. Во всяком случае, он не спешил стрелять — сначала цели.

— Финтег, не слишком долго с коленом, — напомнил он. — Гидроусилитель не любит статичных нагрузок. Встань, пока он совсем не просел.

Джеймс хмыкнул, но поднялся. Пулемет по-прежнему смотрел в темноту, туда, где таяли последние отблески аварийных огней.

— Встал. Дальше идём тише, — сказал он. — Если они оставили это место, значит, им было нужно то же, что и нам. Или они хотели забрать это до того, как сюда приедем мы.

Туннель молчал, но воздух стал плотнее. Где-то впереди, за поворотом, из тёмного проёма тянуло холодным сквозняком и сладковато-кислым дымом — тем самым, который никак не хотел рассеиваться.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:03.

— У меня вопрос, — тихо позвал Келл, не отводя взгляда от чёрного проёма левого технического канала. — Я, конечно, всего лишь поддержка, и моя работа — обезвредить химическую бомбу или подлатать вот этот ходячий металлолом, если его снова заклинит. Но если эти гоблины полезут на нас раньше, чем ты расковыряешь свой цилиндр... У тебя в твоей высоко-технологичной заднице, часом, не завалялся лишний пистолет?

Джеймс на мгновение замер, уже опустив колено к ржавому бетону. Потом медленно повернул голову, и в слабом свете аварийных огней его кибернетический глаз блеснул холодным металлом.

— Бля... — выдохнул он с такой интонацией, будто только что вспомнил, что забыл выключить плиту. — Тебе не выдали табельное?

— Я врач, Финтег, а не штурмовик. Мне выдали фонарик и молитву.

— Суки, — коротко резюмировал Джеймс и, не опуская пулемет, левой рукой расстегнул боковой карман разгрузки. Через секунду на свет появился револьвер — тяжёлый, массивный, с барабаном под толстый патрон и потертой рукоятью из тёмного полимера.

— На, — он протянул оружие Келлу через плечо, не оглядываясь. — Мой личный. Двенадцатый калибр. Мощный пиздец, так что осторожней с руками. Может поломать, если не аугменты. Рука у тебя живая — учти. Держи крепко, целиться не в темноту, а в силуэт. Один выстрел — и либо они, либо ты. Третьего не даст.

Келл осторожно принял оружие, взвесил в руке. Металл был холодным, тяжелым и пах смазкой, порохом и чем-то еще — старым табаком и сухим потом. Он прищурился, пытаясь разглядеть гравировку на стволе. Врач в нём поморщился. Солдат — молчал. Двенадцатый калибр в револьвере — это хирургический инструмент для очень специфических операций. Хирургический — если сравнивать с перфоратором.

— Спасибо, — сухо произнес Келл. — Постараюсь не разнести собственную кисть и не пристрелить тебя в спину. Если придётся стрелять, скажи заранее, куда не надо попадать.

— Можешь попасть в меня, — без улыбки ответил Джеймс. — Главное, чтобы это был не гoblin с ножом у моего затылка. Он снова сосредоточился на цилиндре. Луч наשלменного фонаря медленно прошёлся по его корпусу: вмятина, длинная царапина, капля конденсата,

скользнувшая по тусклому металлу. Пахло всё так же — сладковато-кислой химией и мокрой ржавчиной.

— Аккуратно прошли вперед, — негромко скомандовал Джеймс . — Дистанция три шага. Сначала я. Если наступишь на что-нибудь незнакомое — не поднимай, не пинай, не дыши лишний раз. И это... Он кивнул на цилиндр . — Я его пока не снимал. Лучше, чтобы это сделал тот, кто не прикован к пулемету. У тебя в мет кейсе, надеюсь, найдётся защищённый контейнер?

Келл уже вытаскивал из бокового отделения мед кейса полевой контейнер — плотную темную капсулу с герметичной крышкой и био защитным покрытием. Такие используют для транспортировки образцов, амулетов, неизвестных веществ и всего, что может убить любопытного идиота.

— Найдется, — ответил он. — Только я сначала включу перчаточные сенсоры, если не возражаешь. Хочу проверить поверхность на остаточные заряды. Ты, конечно, видишь больше, чем я, но у меня есть кое-что, чего нет у тебя.

— И что же? — не оборачиваясь, спросил Джеймс .

— Диплом химика, — ответил Келл .

Джеймс хмыкнул — едва слышно, почти беззвучно, но по напряженным плечам пробежала короткая тень. Он прикрыл левый технический канал, держа его в боковом секторе, пока Келл медленно приблизился к цилиндру . Перчаточные сенсоры ожили: на внутренней стороне ладони загорелась тонкая полоска индикаторов. Келл провёл рукой над поверхностью, не касаясь металла. Сканер запищал, замигал оранжевым и выдал несколько колонок цифр: следы окислов, остаточная органика, микроскопические частицы синтетического герметика. Ни одной строки о взрывчатых остатках.

— Чисто, насколько можно судить, — произнес он. — Излучения нет. Запах — медицинский, похоже на стабилизирующий раствор. Или на питательную среду. Убери пока фонарь в сторону, чтобы я не ловил блики. Джеймс чуть сместил луч, освещая стену. В этом неверном свете цилиндр выглядел как гроб , забытый на полу туннеля. Келл присел, подхватил его двумя руками, стараясь не качнуть, и осторожно поднял. Металл оказался ледяным, несмотря на духоту. Это ему не понравилось.

— Внутри что-то есть, — тихо сказал он. — По весу — жидкость или гель. Не металл. Причём плотность неравномерная: при наклоне масса смещается, но не свободно. Больше похоже на емкость с образцом, чем на бомбу.

— Бомбой может быть и емкость с образцом, — глухо отозвался Джеймс . — Если образец не должен дышать. Или если он уже дышит.

Келл ничего не ответил. Он аккуратно уложил цилиндр в защищённый контейнер, повернул крышку до щелчка и поднялся. Теперь его руки были заняты мед кейсом и защелкнут контейнером. Револьвер Джеймса он сунул за пояс, под левую руку, рукоятку вперёд, чтобы выхватить в любой момент.

— Готово, — доложил он. — Идешь вперёд. Я прикрываю канал и слежу, чтобы этот... «сувенир» не решил проснуться. Джеймс коротко кивнул. Пулемёт снова прильнул к плечу, левая рука легла на цевье, палец замер у спусковой скобы. Он сделал первый шаг вглубь туннеля, туда, где аварийные огни гасли, не доживая до следующего сектора. Тишина здесь была такой, какая бывает перед грозой. Каждый звук — капля конденсата, шорох кабеля, скрип арматуры — казался оглушительным.

— Они знают, что мы всё ещё здесь, — едва слышно произнес Келл . — И теперь у нас их игрушка. Так что, думаю, скоро они вернуться. Возможно, по левому каналу. Возможно, с той стороны, куда ушли трое.

— Тем лучше, — не оборачиваясь, ответил Джеймс . — Сокращаем дистанцию. Впереди, на границе света и тьмы, мелькнуло что-то, похожее на сухую тень.

Или на втянутую в темноту руку. Аварийные огни мигнули и погасли — на этот раз все разом.

— Контакт? — шёпотом спросил Келл .

— Пока нет. Идут где-то сверху, — ответил Джеймс . — По вентиляции.

Он повёл стволом к потолку, и в наступившей тьме его кибернетический глаз хищно блеснул, как раскалённый уголёк.

— Движение. Два. Может, три. Над нами.

Келл уже вжался спиной в ржавую опору, стараясь не греметь контейнером.левой рукой он медленно вынул револьвер из-за пояса. Тяжёлый барабан повернулся с тихим, почти ласковым щелчком.

— Сверху они не достанут, если не скинут что-нибудь на голову, — прошептал он. — Дай им уйти. Нам нужен защитный контур. Или хотя бы помещение, где стены не сыпятся от каждого выстрела.

— Согласен, — процедил Джеймс . — Выходим вглубь. Быстрым шагом. Ты с цилиндром — не споткнись. Я впереди, гранатомет готов.

Он выкрутил предохранитель подствольника и рванул в темноту туннеля, не включая фонарик. Келл рванул следом, стараясь держать те самые три шага, которые теперь казались единственной хрупкой гарантией. Где-то за ними, в чёрном жерле левого технического канала, раздался короткий, скрежещущий вой сломанного сервопривода. На этот раз — ближе. И в нём слышалось нечто большее, чем просто сигнал. В нём слышалась команда.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:04.

Логистический узел “Восток-9” , третий уровень.

— Джеймс , давай там быстрее, что возишься как целка в первую брачную ночь?

Голос Келла прилетел из проёма туннеля — тихий, но с тем характерным оттенком, который бывает у людей, когда они очень хотят быть уже совсем в другом месте. Желательно с выпивкой. Джеймс не ответил. Он стоял на одном колене, спиной к Доку , и аккуратно, с той деловитой нежностью, с которой хирург обращается с инструментом, вытягивал из нагрудного кармана разгрузки плоский блок лазерной растяжки . Маленький, тёмный, в облупившейся заводской краске. Личный запас. Не табельный. Два магнита. Ось лазера — на высоте щиколотки, где обычно не смотрят. Детонатор — натяжной, с задержкой полсекунды, чтобы вся группа оказалась в зоне поражения, а не только первый болван, который зацепил нить. Он прижал первый магнит к ржавой балке справа. Мягкий щелчок — почти беззвучный. Потом потянул тонкий лазерный кабель поперёк прохода и закрепил второй блок слева, у основания покосившейся опоры. Красная точка лазера мигнула раз, растворилась в темноте. Всё. Теперь кто бы ни сунулся следом — получит не просто взрыв, а очень неприятный сюрприз в районе ног и нижней части торса.

— Готово, — негромко бросил Джеймс и поднялся, не торопясь, давая ноге встать правильно.

Сервопривод бедра издал тот самый едва заметный звук — чуть глуше, чем надо. Джеймс на секунду перенес вес на левую сторону, выровнялся и зашагал к Доку . Быстро. Без суеты. Позади, в темноте, тихо шуршало. Что-то двигалось по левому техническому каналу — медленно, осторожно, явно стараясь не производить лишнего шума. И не производило бы, если бы не осклизлые ступени , которые при всём желании бесшумными не бывают. Келл стоял у края проема, перехватив револьвер в правую руку. Ствол смотрел чуть вниз, к полу. Правильно — не размахивать. Он прислушивался, скосив глаза в глубину туннеля: темнота там была почти абсолютной, только далеко впереди что-то слабо мерцало — не аварийные огни, скорее отражение, будто за очередным поворотом жил какой-то мутный, рассеянный свет.

— Двигаемся, — тихо сказал Джеймс, поравнявшись с Доком. — За растяжку не переживай: сама справится. Нам вперёд.

Он не стал ждать ответа. Пулемёт прижался к плечу, луч нашлаемого фонаря он не включал — в темноте своя логика, и незачем объяснять врагу, откуда ты идёшь. Кибернетический глаз работал в активном режиме, подсвечивая контуры, тянул тепловой диапазон, собирал крохи инфракрасного излучения из сырого воздуха. Туннель уходил вглубь под легким уклоном. Пол здесь был хуже — мокрый бетон, местами вспученный снизу арматурой, плиты уложены давно и небрежно, а между ними застоялась тёмная вода, пахнувшая машинным маслом и гнилью. Каждый шаг нужно было ставить с умом. Келл шёл следом, считая шаги. Три шага. Не меньше. Полевой контейнер с цилиндром внутри он держал в левой руке, прижав к телу, чтобы не брякнул о стену. Правая рука сжимала револьвер. Жидкость или гель. Питательная среда. Ледяная на ощупь, несмотря на духоту. И медицинский запах — не синтетический, настоящий. Кто-то хранил это здесь. Или нёс куда-то. Не шантаж. Слишком аккуратно упакован. Скорее транспортировка. Мысль пришла и ушла — не время. Впереди мерцание стало отчетливее. Тоннель поворачивал влево, и из-за угла разливался бледно-синий свет — ровный, немигающий. Не аварийный. Рабочий. Где-то там работало оборудование. И работало сейчас, а не вчера. Джеймс остановился у угла, прижался к стене, выглянул одним глазом — кибернетическим. За поворотом открывался небольшой технический отсек: низкий потолок с оборванными кабельными лотками, три ряда старых стоек вдоль стен, большинство тёмных и мёртвых. Но в центре, на металлическом столе, явно принесенным сюда недавно — ножки оставили свежие царапины на полу — стояло несколько блоков оборудования. Синие индикаторы мигали ровно. На полу у дальней стены валялась скомканная одноразовая упаковка и пустой термопакет. Рядом — откинута крышка транспортного кейса, внутри — мягкая формованная вставка с выемкой под цилиндр такого же диаметра, как тот, что сейчас лежал в контейнере Дока. У дальней стойки, спиной к проему, стоял кто-то невысокий, в темном комбинезоне с откинутым капюшоном. Пальцы — быстрые, нервные — бегали по интерфейсной панели одного из блоков. Слышался тихий, непрерывный писк диагностики. Это был не гоблин. Слишком высокий для гоблина. Слишком аккуратный. И слишком занятый, чтобы заметить, что за его спиной появились двое. Сзади, далеко в тоннеле, глухо бухнуло — раз, резко, с металлическим звоном. Потом тишина. Потом — короткий, прерванный вскрик на каком-то гортанном наречии. Растяжка сработала. Фигура у стойки дёрнулась. Обернулась. И в синем свете индикаторов Джеймс увидел лицо — молодое, перепуганное, с темными кругами под глазами и тонкой линией нейро интерфейсного порта за ухом. Человек. Не боевик. Руки подняты рефлекторно, одна всё ещё сжимает тонкий диагностический кабель.

— Не стреляйте, — выдохнул он по-английски, с акцентом — центрально европейским, лёгким. — Я не с ними. Я сам по себе. Пожалуйста.

Глаза метнулись к пулемету Джеймса, потом к контейнеру в руках Дока, и в них мелькнуло что-то острое, почти болезненное — не страх. Узнавание.

— Вы нашли его, — сказал он тихо. — Значит, они его бросили. Чёрт.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:05.

Логистический узел “Восток-9”, третий уровень, технический отсек.

Келл вскинул револьвер ещё до того, как незнакомец успел полностью обернуться. Ствол смотрел прямо в центр лба — тяжёлый, без дрожи, без сомнений. Врач в нём давно научился убирать руки в карман, когда говорил солдат.

— Знаешь что это за шайтан-палка? Она сносит головы.

Незнакомец замер. Дыхание — короткое, частое. Глаза метнулись к револьверу, обратно к лицу Дока, снова к дулу. Руки подняты выше, пальцы растопырены — тонкий диагностический кабель свисает с правой ладони, как мертвая змея.

— Если не скажешь кто ты и что тут делаешь — снесу твою не моргнув.

Пауза была ровно такой длины, какая бывает у людей, которые быстро считают варианты и не находят ни одного хорошего.

— Если соврёт или сделает что-то, что тебе не понравится — оторви ему башку и засунь туда, где солнце никогда не светит, — добавил Келл, не оглядываясь, но боковым зрением удерживая Джеймса.

— Принял, — коротко ответил Джеймс.

Он уже не смотрел на незнакомца. Левая рука нырнула в боковой карман разгрузки и вытащила наручники — металлические, с трещоткой, старые, явно не первый год в кармане. Он швырнул их Доку через плечо, не целясь.

— Накинь на этого. Потом разберёмся. Двигай с ним к чёрному выходу. Он поднес передатчик к губам, нажал. — Масло — базе. У нас гражданский техник, теоретически. По факту надо проверить. Также у нас контакт.

Треск. Помехи. Ни ответа, ни подтверждения.

Он уже разворачивался в сторону туннеля, когда оттуда пришло то, что должно было прийти. Сначала — характерный гортанный мат на каком-то гоблинском наречии, злой и короткий. Потом — торопливые шаги по мокрому бетону. Не двое. Больше. Те, что уходили вглубь, вернулись. И прихватили, судя по звуку, кого-то ещё. Они посчитали потери. Обнаружили, что цилиндра нет. И теперь хотят его обратно. Джеймс не стал ждать, пока они завернут за угол. Длинная очередь ударила в темноту туннеля — тяжёлая, плотная, пулемёт отработал с привычным механическим рокотом. Пули рикошетили от ржавых опор, взбили в воздух бетонную крошку и облако пыли. В туннеле что-то с грохотом повалилось. Вскрик — не прерванный, долгий, потом затихший. Движение на секунду остановилось.

— Вали отсюда, Док, — рявкнул Джеймс.

Вторая очередь пошла, не дав им опомниться, — он бил по отблескам, по звуку, по тени, мелькнувшей у дальнего поворота. Пулемёт молотил, рассыпая в темноте короткие злые вспышки.

— Отходы! Я прикрою!

Келл успел. Наручники защелкнулись на запястьях незнакомца с жёстким клацаньем — раз, два. Тот не сопротивлялся. Смотрел на Дока широко раскрытыми глазами, и в них уже не было страха, осталось только то самое острое, болезненное выражение — как у человека, которому очень нужно что-то сказать, и очень мало для этого времени. — Контейнер не встряхивать, — выдохнул незнакомец. — Пожалуйста. Внутри термоустойчивая взвесь, но при сильном ударе капсула...

— Заткнись и иди, — Келл ткнул его в плечо стволом револьвера, придав нужное направление. — Куда выход?

— Туда. Там служебный коридор, он выводит на задний двор через...

Третья очередь Джеймса была ещё длиннее. Туннель отозвался эхом, от которого заложило уши. Что-то лязгнуло, покатилося — металл по металлу. Гоблины снова залегли, прекратив движение. Ненадолго. Восемь секунд, может, десять. Потом поднимутся. Правая нога Джеймса при откате второй очереди чуть просела — сервопривод бедра подцепил дрожь отдачи неправильно, стабилизация сработала с задержкой в полшага. Он перенес вес, выровнялся, не прерывая огня. Снаружи это выглядело как переступ. Изнутри — как будто кто-то на мгновение выдернул опору из-под правого бока. Работает. Пока. В туннеле была тишина — та самая, которая случается между двумя очередями и которой никто не верит.

— Масло, уходи! — голос Дока прилетел из темноты отсека, уже дальше, уже в движении.

Джеймс выстрелил еще раз — одиночный, по звуку, по кашлю из-за угла. Потом попятился, не поворачиваясь, нащупывая ногой порог технического отсека . За углом кто-то что-то произнёс на том же гортанном наречии — тихо, коротко. Это была не команда к атаке. Это была команда ждать. Или обходить. Обходят. Левый канал. Тот, один, который ушёл туда ещё в начале — он не возвращался. Он всё ещё там.

— Быстрее, — сказал Джеймс вполголоса, уже входя в технический отсек . — Где этот ваш чёрный выход.

Незнакомец мотнул головой в сторону дальней стены, где за крайней тёмной стойкой угадывался узкий провал с оторванной дверью — не заводской, а порубленной позже, грубо, по живому бетону. За ней тянуло холодным воздухом и сыростью.

— Там, — тихо сказал незнакомец . — Но... Он запнулся. Посмотрел на Дока . Потом на полевой контейнер в руках Дока . — Но сначала скажите мне, целы ли уплотнители на крышке.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:06.

Логистический узел “Восток-9” , третий уровень.

Джеймс не стал кричать предупреждений. Подствольник рявкнул дважды — коротко, жестко, с характерным мягким плевком, который люди, никогда не бывавшие на войне, принимают за что угодно, кроме смертельного. Первый заряд ушел в темноту туннеля, в то место, где по звуку шагов была голова колонны. Второй — на метр правее, с расчётом на разлёт осколков вдоль стены. Два взрыва слились в один длинный металлический грохот. Эхо отскочило от бетонных стен, разлетелось по несущим балкам, вернулось тупым давлением в грудь. Потом — вой. Не один, несколько голосов разом, гортанно, жутко, с тем особым тоном, который Джеймс слышал достаточно раз, чтобы перестать на него реагировать. Что-то тяжёлое с грохотом повалилось на решётку. Ещё что-то покатилося.

— Двигай, — бросил он и повернулся спиной к туннелю.

Растяжки он ставил на ходу, не сбавляя темпа: первую — у поворота, прижав лазерный блок к трубе на уровне колена. Вторую — в двадцати шагах от первой, поперек лужи, где ни один здравомыслящий гоблин не побежит по прямой. Пальцы работали привычно, без лишних движений. Если поднимутся — получают ещё. Если обойдут через левый канал — там уже сыро и темно, и ноги у них, скорее всего, заняты тем, чтобы не свалиться. Он нагнал Дока и незнакомца у самого провала. Келл не ждал команды. Он рванул незнакомца за воротник комбинезона раньше, чем первый взрыв отгулял эхом, и резко опустил того на колени — не мягко, не вежливо, а так, как опускают на пол человека, которому нужно объяснить, что сейчас не время для дипломатии. Незнакомец вскрикнул, наручники лязгнули, колени встретились с мокрым бетоном.

— Финтег, дай завесу. Мне нужно пятнадцать секунд.левой рукой Келл уже вскрывал полевой контейнер — не резко, а точно, как врач снимает повязку: одно движение, фиксация, поворот крышки до щелчка. Цилиндр лёг в ладонь, и перчаточные сенсоры тихо пискнули, считывая поверхность заново. Холодный. Всё так же ледяной. Масса на месте, не смещается активно. Хорошо. Торец цилиндра — он провёл большим пальцем по краю крышки, нашёл резиновое кольцо уплотнителя. Целое. Потом второй обвод, внутренний. Тоже на месте. Вмятина на боку прошла только по металлу, не задела стыка. Всё это — три секунды, не больше. Он поднял голову и посмотрел на незнакомца . Тот стоял на коленях, дышал часто, смотрел на цилиндр в руках Дока с таким выражением, будто это был чужой ребенок, которого поднял посторонний.

— Ты, сука, скажешь уже, что в этом цилиндре? — Келл схватил его за воротник, притянул к себе вплотную. Голос — тихий, очень тихий, тем опаснее. — И не вздумай что-то скрыть. Вскрою на живую. А потом отдам вот этому здоровяку на опыты.

В медицинском смысле «вскрыть на живую» означало примерно то, что любой нормальный человек должен был бы счесть угрозой. Келл произнес это так, что звучало буднично — как инструкция по технике безопасности. Незнакомец дернулся, потом замер. Его взгляд прошёл по лицу Дока, по цилиндру, снова по лицу. Сзади грохнуло во второй раз — взрывная волна прошла по туннелю коротким давящим толчком. Страх в его глазах был настоящим. Но что-то за ним — нет. Не ложь. Расчёт. — Уплотнители целые? — выдохнул он.

— Отвечай на вопрос, — отрезал Келл.

— Мне нужно знать, целые ли, прежде чем... Второй взрыв отгулял в глубине. Вдалеке — ещё один вой, оборванный коротко и жёстко.

— Целые, — сказал Келл. — Говори.

Незнакомец закрыл глаза на секунду. Потом открыл.

— Культура, — произнёс он тихо, почти шёпотом. — Клеточная. Модифицированная. В термоустойчивой взвеси. Жизнеспособна ещё... — он на секунду запнулся, — примерно восемнадцать часов при текущей температуре.

— Чья культура? — немедленно спросил Келл. — Откуда?

— Это долго объяснять.

— У тебя двадцать слов.

Незнакомец выдохнул.

— Синтетика. Не вирус, не бактерия. Созданная. Заказ. Я не знаю для кого — меня наняли только синтезировать и доставить. Гоблины должны были забрать. Что-то пошло не так.

Снаружи, за провалом, тянуло холодным воздухом и запахом бетона и старого дизеля. Где-то высоко — далёкий гул техники. Живой город над мёртвым заводом. Джеймс уже стоял у края провала, пулемёт смотрел назад, в темноту туннеля.

— Я не слышу движения. Пока. Время пошло.

Келл аккуратно убрал цилиндр обратно в полевой контейнер, защелкнул крышку. Потом поднялся, рывком поставил незнакомца на ноги.

— Служебный коридор, — сказал он.

— Говорил, на задний двор. Веди.

— Там... там ещё один, — сказал незнакомец тихо и без интонации, глядя в сторону провала. — Который ушел в левый канал в самом начале. Это не гoblin.

Джеймс медленно повернул голову. Кибернетический глаз перещёлкнул в тепловой диапазон, прошёлся по провалу, по узкому служебному коридору за ним. Тепловой сигнал — слабый, размытый, на расстоянии. Но он был. Неподвижный. Ждущий.

— Ждёт нас у выхода, — негромко произнёс Джеймс. — Значит, знает, где выход.

Он посмотрел на незнакомца долгим взглядом.

— А ты откуда знаешь про него?

Незнакомец не ответил. Только чуть отвел глаза. И этого было достаточно.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:07.

Логистический узел “Восток-9”, третий уровень, технический отсек.

Джеймс вытащил сигарету. Не спеша. Огонёк зажигалки мазнул по лицу жёлтым светом, и в синеватом мерцании индикаторов стойко его кибернетический глаз на секунду стал похож на раскаленную монету. Он затаился. Выдохнул.

— Так бля... То есть у нас тут искусственная Ебола... — он коротко качнул головой, — не Эбола, а именно Ебола. — Пауза. Дым поплыл под потолком.

— И ты один из двух чмырей, что делали это говно и продали гоблинам. — Он опять затаился. Снова выдохнул. Неспешно, как человек, у которого есть время на мысль. — И мы пришли и по факту просто сорвали сделку... Третья затяжка. Долгая. Потом сигарета осталась

в зубах, и он смотрел на незнакомца без злости — с тем холодным, математическим интересом, с которым смотрят на саперный щуп, когда ещё не знаешь, нажал ли ты уже на что-то.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но это называется контрабанда и пособничество в биотерроризме.

Незнамец открыл рот. Ничего не сказал. Келл не стал ждать, пока у незнакомца появятся слова. Он прижал его к стене — резко, без замаха, просто всем предплечьем в грудь, пока тот еще не успел переориентироваться после вопросов Джеймса. Затылок незнакомца глухо стукнул о бетон. Револьвер пошёл вверх и лёг стволом прямо под левым глазом — не ко лбу, туда, где кость твёрдая и голова иногда успевает в это поверить. Под скулой — другое дело.

— Мне нужны ответы и прямо сейчас.

Взгляд Келла метнулся на полевой контейнер, потом обратно. Лицо — ровное, профессиональное. Тот самый тон, которым врачи сообщают плохие новости.

— Что за хуйню вы выращивали? Для чего она гоблинам? И что за уёбок там прячется? Твой напарник?

Он бросил короткий взгляд на Джеймса — искал кивок, получил его молча.

— Если не хочешь оказаться грузом двести, начинай говорить.

Курок щелкнул. Незнамец закрыл глаза. Открыл. В них уже не было расчёта. Только усталость. Та особая усталость, которую Келл видел у людей, которые слишком долго держали что-то в руках и наконец выронили.

— Не биотерроризм, — выговорил он тихо. Голос был ровным, что само по себе уже не нравилось. — Это адресная доставка. Культура рассчитана на конкретный геном. Человеческий. Избирательная токсичность по маркерам крови. Для остальных рас — инертна. Я... — он запнулся. — Мне сказали, что это фармакология. Исследовательский материал. Врёт? Нет. Хуже. Верит в то, что говорит. Или убедил себя поверить.

— Заказчик через посредника. Я не знаю имён. Знаю только адрес передачи и кодовое слово. Гоблины — просто курьеры. Посредник нанял их через Нижний рынок. — Он сглотнул. — Тот, в левом канале ... это не мой напарник. Я видел его один раз, когда пришёл сюда. Он ждал. Я думал, он тоже от посредника. Проверяет. Но он не заговорил, и я... не спросил.

Снаружи, за провалом, из служебного коридора донесся едва уловимый звук — не шаг, не скрип. Что-то вроде осторожного выдоха бетонной стены. Или человека, который очень хорошо умеет стоять неподвижно и слушать. Джеймс это услышал. Сигарета осталась в зубах, пулемёт пошёл к бедру, кибернетический глаз перещелкнуть на тепловой — и замер. Тепловой сигнал у выхода никуда не делся. Не ближе, не дальше. Именно там, где был. Ждёт. И теперь точно знает, что они разговаривают. Он потянулся к рации, нажал.

— Масло — база. Мы у чёрного хода, нужна «коробочка». Посылка горячая. Повторяю — горячая.

Треск. Потом — сквозь помехи, едва различимо:

— ...принято... двенадцать минут... держитесь... Двенадцать минут — это не цифра из хорошего сна. Это цифра из тех, где считаешь до конца и думаешь, что успеешь.

— Выходим, — сказал Джеймс. Не громко. Просто поставил точку.

— Ты, — это уже незнакомцу, — идёшь впереди Дока. Если тот, кто ждёт в коридоре, твой — ты умрёшь первым. Если не твой — всё равно умрёшь первым, просто чуть позже.

Незнамец не возразил. Просто кивнул. Механически, как человек, у которого закончились возражения вместе с выбором. Джеймс занял позицию у края провала, пулемёт смотрел в темноту служебного коридора. Тепловое пятно там не двигалось. Ровное, тусклое, нечеткое. Слишком хорошо контролирует температуру, чтобы быть испуганным человеком. Или слишком давно стоит неподвижно, чтобы быть живым в обычном смысле. *Аугментированный. Или не человек. Или оба варианта сразу. Сзади, в тоннеле, где осталась последняя растяжка, было

тихо. Пока. Двенадцать минут. Джеймс вынул сигарету изо рта, посмотрел на огонёк, затянулся последний раз и потушил о ржавую балку. Аккуратно. Без спешки. — Ну, пошли знакомиться.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:08.

Джеймс шагнул в служебный коридор первым.

— Внимание! Работает Полиция Нижнего яруса! Поднять руки, отойти лицом к стене! При малейшем неповиновении будет открыт огонь на поражение. Сертификат 14Д551 дает право на применение силы в ситуациях, связанных с угрозой биотерроризма. ВСТАТЬ К СТЕНЕ Я СКАЗАЛ!

Голос ударил в узкие бетонные стены коридора и разлетелся вперёд — жёстко, с командной интонацией, вбитой в мышцы ещё во время службы. Пулемёт смотрел туда, где тепловой контур замер в темноте. Тень не шелохнулась. Тепловой сигнал в коридоре не поднял рук, не отступил к стене. Он остался на месте — ровный, тусклый, нечёткий, будто что-то намеренно глушило его температуру. Слишком нечеткий для живого человека, который сейчас слышит приказ и переваривает его. Слишком неподвижный для того, кто боится. Или он знает, что это блеф. Или ему всё равно.

— Не работает, — тихо и без интонации сообщил Джеймс темноте.

Он не отступил. Перенёс вес вперед, правая нога встала на влажный бетон с едва слышимым, неправильным звуком — сервопривод поймал нагрузку с задержкой, стабилизация дождала его чуть позже, чем надо. Джеймс этого не показал. Выровнялся. Пулемёт не опустил. Келл в этот момент уже толкал незнакомца вперед — коротко, в спину, без лишних слов.

— Финтег, протокол 2-9. Если что-то не понравится — приступаем к терминации. Незнакомец споткнулся, поймал равновесие скованными руками, двинулся по коридору. Шаг у него был нервный, короткий. Келл шёл на шаг сзади, револьвер упирался в позвоночник незнакомца между лопатками — не в упор, на расстоянии вытянутой руки. Правильно. Чтобы не выхватили ствол на рывке. Правая кисть начинала ныть. Не боль — просто вес. Двенадцатый калибр — это не скальпель. Это кувалда с рукояткой. Пальцы держали крепко, но уже чувствовалась та мелкая, неприятная дрожь, которую тело посылает раньше, чем голова успевает признать усталость. Хирург привык к инструментам другого размера. Краем глаза — правая нога Джеймса. Тот самый сдвиг при переносе веса. Снова. Келл засек его автоматически, как фиксирует аномалию на снимке: не обязательно смотреть — достаточно знать, что искать. Гидроусилитель. Или уплотнитель в стыке бедренного блока. В полевых условиях не разберёшь без инструмента. Но если он просядет до конца на скользком полу или при резком переносе нагрузки — нога подломится в самый неудобный момент. Финтег это чувствует. Финтег это не скажет. Тепловой контур в глубине коридора шевельнулся. Не руки вверх. Не к стене. Он просто сместился чуть левее — медленно, без торопливости, как человек, который слышал всё и теперь выбирает угол. Потом из темноты донесся голос. Низкий. Ровный. Без акцента — никакого акцента, что само по себе уже странно.

— Опустить оружие, сапёр. Я здесь не за ним. Пауза. — И не за вами.

Кибернетический глаз Джеймса дочитывал контур: рост — чуть выше среднего человеческого, плечи широкие, силуэт неправильный. Слишком плотный для человека без аугментаций. В районе предплечий — металл, холоднее тела, почти не фонит теплом. Руки опущены. Ничего не направлено в сторону группы. Аугменты. Много. Или весь.

— За кем тогда? — произнес Джеймс, не опуская пулемёта. Фигура в темноте не торопилась. Слышно было, как где-то высоко по вентиляционной трубе бежит конденсат — монотонный, равнодушный звук.

— За культурой, — сказал голос наконец. — Она не должна была уйти с гоблинами. Я здесь, чтобы это исправить.

Незнакомец между Джеймсом и Келлом резко втянул воздух — не вскрик, просто короткий, произвольный звук человека, у которого только что сложились два и два. И сумма ему не нравится.

— Ты знаешь его? — тихо и без интонации спросил Келл у незнакомца, не оборачиваясь к нему лицом. Просто — в ухо, тихо, пока револьвер не сдвинулся с места.

Незнакомец не ответил. Но его скованные руки чуть напряглись. В туннеле за спиной, далеко, приглушенно щелкнуло. Третья растяжка? Нет. Слишком слабо. Скорее — осколок кабеля по металлу. Или кто-то очень аккуратно перешагнул через лужу и задел стену плечом. Сзади тоже двигались. Двенадцать минут. Сколько прошло — три? Четыре? Тепловая точка в глубине коридора не двигалась. Ждала ответа.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:08.

Джеймс не думал. Это была не ярость и не решение — это было что-то глубже, в том месте, куда не добирается разум. Подствольник уже смотрел в темноту служебного коридора, когда пальцы нажали спуск, и плазменный заряд ушёл вперёд с тем мягким, почти беззвучным толчком, который Джеймс ненавидел больше любого звука на свете. Тот самый толчок. Тот самый запах. Озон и раскалённый металл.

— Ты сам виноват, утырок.

Плазма вспыхнула в глубине коридора — не взрывом, а выбросом, жидким белым огнем, который расплескался по стенам и потолку, как живой. Фигура там, в темноте, не успела отступить — или не захотела. Вспышка съела кусок темноты, и в долю секунды Джеймс увидел силуэт: высокий, широкий в плечах, с неправильным контуром, который бывает только у тех, кого переделывали долго и дорого. И — уши. Длинные. Тонкие. Прижатые к черепу от боли или от удара волны. Эльф. Очередь из пулемёта пошла сразу следом — не прицельно, не красиво, просто Джеймс вел ствол по горящему силуэту и давил на гашетку, пока в ушах не стало тихо. Пули рвали бетон, рикошетили от металлических балок, и где-то в этом грохоте — короткий, надломленный звук, не человеческий и не эльфийский, что-то среднее. Потом тишина. Потом запах горелого металла и чего-то сладкого, органического. Перед глазами плыло. Не от вспышки. Он хорошо знал это ощущение. Девятый сектор. Плазменная мина под правой ногой. Рябой кричит что-то, и Финтег ещё успевает обернуться, прежде чем мир исчезает. Он выровнялся. Правая нога встала с задержкой — сервопривод дождал нагрузку через полсекунды. Джеймс этого не показал. Келл не ждал ни секунды. Он уже двигался, когда револьвер вскинулся в сторону фигуры. Три выстрела — быстрые, без прицела, по силуэту в полутьме. Двенадцатый калибр ударил в ладонь, как кувалда. Первый — терпимо. Второй — кисть повело. Третий — что-то хрустнуло у основания большого пальца, и револьвер вырвало из руки, он звякнул об пол и ушёл в темноту.

— Сука... Боль пришла сразу, острая, тянущая — не перелом, но что-то нехорошее с суставом. Левая рука действовала быстрее головы: пальцы нашли ТАГ на поясе Джеймса, сдернули его. Джеймс в этот момент как раз давил второй очередью и ничего не почувствовал — и активировали взрыватель. Три с половиной секунды. *Раз.*

Келл обернулся к незнакомцу — тот стоял, скованный, глаза широко раскрыты, следил за плазменной вспышкой с таким выражением, как смотрят на что-то, что нельзя остановить и не хочется видеть.

Два.

— Ложись!

Келл швырнул ТАГ в сторону горящего силуэта, левой рукой схватил незнакомца за воротник комбинезона и дернул вниз. Оба рухнули на мокрый бетон. Келл накрыл голову правой рукой — вывихнутая кисть взвыла, он сжал зубы.

Три.

Взрыв ударил по ушам коротко и жёстко. Служебный коридор дернулся, с потолка посыпалась труха и ржавая окалина. Горячая волна прокатилась по спине Келла, раздула герметичный костюм пузырем на лопатках. Темнота за взрывом стала абсолютной — аварийные огни погасли все разом. Потом — тишина. Потом — тихий, прерывистый звук. Тяжёлое тело скользит по бетону. Что-то металлическое бьёт об пол один раз, другой. И замирает. Келл поднял голову. Темнота. Запах горелой проводки, раскаленного металла и чего-то сладкого, почти медицинского. Правая кисть пульсировала. Полевой контейнер с цилиндром он в падении прижал к себе инстинктивно — тот был на месте, не раскрылся. Хорошо. Хотя бы это. Рядом незнакомец кашлял, уткнувшись лицом в пол. Скованные руки дергались, пытаясь упереться в бетон. Луч фонаря Джеймса резанул темноту — узкий, желтый, живой. Прошёлся по коридору, по обломкам бетонных кусков, по выбитому потолочному кабелю, который теперь свисал до пола, искря в тишине. Потом луч остановился. В дальнем конце коридора, у самой стены, лежала фигура. Плазма сделала своё дело: левый бок боевого комбинезона оплавился, кибернетическое предплечье — то самое, холодное, металлическое — было вырвано напополам, держалось на пучке кабелей и остатках крепления. Правое предплечье тоже несло следы: бронепластины вспучились, кое-где пробиты. Осколки ТАГа прошлились по торсу — там, где броня тоньше, темнели жирные пятна. Но самым неприятным был факт, который Джеймс засек сразу, когда кибернетический глаз перешел на тепловой режим: Тепло. Слабое, но есть.

— Живой, — холодно произнёс Джеймс. — Сука.

Он сделал шаг вперёд — правая нога опять с задержкой — и навел пулемет на упавшую фигуру. Луч фонаря лёг на лицо. Длинные скулы. Острый подбородок. Заостренные уши, один из которых был обожжен и почернел у края. Бледная, почти серая кожа с тонкой сетью эпидермальных проводников под ней — не медицинских, боевых. Эльф. Тяжело аугментированный. И дышащий — редко, с паузами, но дышащий. Келл поднялся с пола, левой рукой держа полевой контейнер, правую прижав к боку — кисть была горячей и начинала отекавать. Он посмотрел на фигуру, потом на Джеймса. Прочитал то, что было написано на лице Джеймса. Не сказал ничего. Сзади зашевелился незнакомец. Попытался встать, не смог скованными руками, завалился на бок и остался лежать, тяжело дыша. Где-то в глубине логистического узла — далеко, за несколькими уровнями ржавого бетона — приглушенно бахнула третья растяжка. Потом тишина. Потом — ничего. Либо больше некому было идти, либо остатки группы гоблинов наконец сделали правильный вывод о своём здоровье. Восемь минут до «коробочки». Может, семь. Горящий кабель под потолком коридора искрил ровно и бессмысленно, освещая троих стоящих, одного лежащего и запах плазмы, который Джеймс уже перестал замечать лет шесть назад. Или убедил себя, что перестал.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:09.

Служебный коридор, логистический узел “Восток-9”.

Келл хлопнул Джеймса по плечу правой рукой — и тут же сквозь зубы вырвалось короткое, злое:

— Сука... Кисть полыхнула болью так, что на секунду перед глазами поплыло. Келл опустил руку, сжал пальцы — неполностью, больно, — и выдохнул в темноту. — А понтов то было — ёбанный в рот.

Он полез в мед кейс левой рукой, нашёл на ощупь компресс — холодный, в вакуумной упаковке, треснул об колено, приложил к правой кисти. Боль чуть отступила. Не сильно.

— Джеймс... я выронил твой револьвер. — Голос у Келла был ровный, но с тем особым оттенком, которым говорят, когда неловко, а показывать неловкость некому.

— Не хотелось бы его оставлять тут. Ты уж прости, но я не привык к таким карманным гаубицам .

Он попытался улыбнуться. Получилось не очень. Из бокового кармана медкейса достал инъектор морфия — маленький, чёрный, одноразовый — и без лишних слов всадил себе в предплечье через ткань герметичного костюма . Поморщился. Подождал несколько секунд.

— Не смотри на меня так, Финтег. Я сам в ахуе от происходящего.

Джеймс смотрел на него именно так — молча, коротко, с тем выражением, которое у него заменяло сочувствие. Потом перевёл взгляд на эльфа , лежавшего в дальнем конце коридора . Тот дышал — редко, с паузами, как машина, у которой перебит контур питания, но аварийный резерв ещё тянет.

— Док... дай нож.

Келл помедлил ровно одну секунду, потом отстегнул боевой нож от бедра и протянул рукоятку вперед. Не спросил зачем. Промолчал — что само по себе было ответом. Джеймс взял нож. Прощупал баланс — привычно, как берут в руку инструмент, который знают давно. Сунул сигарету в угол рта, щёлкнул зажигалкой. Огонёк осветил лицо снизу — жёлтое, резкое, без тени колебания. Он подошёл к элфу . Тот был без сознания — или почти без. Левое кибернетическое предплечье держалось на нескольких кабелях и куске крепёжной фермы — металл оплавился, но не лопнул полностью. Правое дышало вспененными бронепластинами . Эпидермальные проводники под серой кожей тускло мерцали — питание еще шло, откуда-то из глубины торса. Живучий, ушастый ублюдок. Плазма его не взяла, пулемёт не добил, ТАГ только раскидал. Значит, там внутри столько железа, что на металлолом хватит хорошей семье. Джеймс затанулся. Выдохнул дым в сторону.

— Выживет. От плазмы не сдох. От пулемёта, от ТАГа ... от этого и подавно не подохнет.

Он опустился на колено рядом с элфом — правая нога встала с задержкой, сервопривод дожал через полсекунды, он этого не показал — и взялся за левое кибернетическое предплечье . Провел ножом вдоль крепежных кабелей, нашёл разъём, отсёк последний удерживающий пучок. Предплечье отделилось с влажным металлическим звуком и тяжело упало на бетонный пол . Не мечь. Это называется — обездвигить. Правое предплечье далось сложнее: бронепластины были деформированы взрывом и держались плотно. Джеймс работал методично, без лишних движений. Нашёл стык. Поддел. Нажал. Второй разъем вышел с коротким электрическим щелчком — искра, запах горелого, — и правое предплечье легло рядом с первым. Эльф дернулся — раз, бессознательно, как двигается тело, когда из него вырезают что-то важное. Потом затих.

— Теперь никуда не убежит, — сказал Джеймс , поднимаясь. — И ничего не нажмет.

Он вернул нож Келлу рукоятку вперёд. Коротко, без слов. Потом достал из кармана разгрузку свежую сигарету , прикурил от старой и выдохнул долгий, медленный дым в темноту коридора .

— Дожидаемся наших. Передаем тело, «техника» и посылку.

Взгляд упал на незнакомца , который лежал там, где его оставили — на мокром бетоне , скованный наручниками , молчаливый, как человек, который уже всё взвесил и пришел к неутешительному выводу.

— Далее не нашего ума дело, — добавил Джеймс .

Пауза. Дым. Искра от потолочного кабеля где-то над головой.

— Если мне сейчас хоть кто-то скажет про отчёт, — произнёс он тихо и без интонации, обращаясь ни к кому конкретно, — я его заставлю выпить масло и попрыгать.

Келл в это время уже шарил фонарем по полу коридора . Морфий начинал работать — тупая, горячая боль в правой кисти сделалась чуть дальше, как будто её накрыли ватой. Не прошла. Просто отодвинулась. Луч фонаря прошёлся по обломкам, по ржавой решетке , по

куче бетонной крошки у стены — и остановился. Револьвер лежал у основания правой опоры . Барабан повёрнут, рукоять в пыли, ствол смотрит в стену. Целый.

— Нашёл, — сообщил Келл . — Целый.

Он поднял его левой рукой, стряхнул пыль. Проверил барабан — три заряда ушло, три осталось. Заткнул за пояс.

— Руке хренова. Следующий раз буду знать, что у тебя за поясом.

Он присел у стены, вытянул ноги и посмотрел на Джеймса . Тот стоял посреди коридора — пулемет на плече, сигарета в зубах, два кибернетических предплечья у ног, — и выглядел как человек, у которого нет ни одного лишнего слова. Морфий работал. Боль в руке стала терпимой. Сустав у основания большого пальца — вывих, не перелом, скорее всего. Проверить, когда выберемся. Шина, холод, покой. Стандартно.

— Джеймс, — позвал Келл тихо, — твоя правая нога снова люфтит. Я слышу. Это было произнесено без наезда, без докторского тона. Просто факт — как называют вслух то, что оба уже знают. — Когда доберемся до «коробочки» — дашь посмотреть. Не сейчас. Потом.

В глубине логистического узла было тихо. Третья растяжка сработала, но больше никакого движения оттуда не приходило — ни шагов, ни голосов, ни гортанных команд. Либо те, кто ещё мог двигаться, сделали правильный вывод. Либо их уже не было. Незнакомец лежал на полу и смотрел в потолок. На его лице не было ни страха, ни злости. Просто пустота — та, что бывает у человека, который слишком хорошо понимает, что его ждёт дальше, и уже перестал этому сопротивляться. Где-то наверху — через несколько слоёв ржавого бетона и мёртвых перекрытий — глухо гудел город. Миллионы огней, миллионы чужих жизней. Живой мир над мёртвым заводом. Оставалось около семи минут.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:10.

Служебный коридор , Логистический узел “Восток-9” .

Джеймс затянулся и выдохнул дым в потолок. Сигарета тлела ровно, оранжевая точка в темноте. Он смотрел на ноги эльфа . Ноги. Тоже аугменты. Хорошие. Военного класса, судя по шарнирам голеностопа и толщине бронирования бедра. Такие ноги стоят больше, чем большинство людей в Восток-9 заработают за год. Он встал на колено — правая нога встала с задержкой, он перенес вес без паузы, не замедляясь, — и положил нож на бетон рядом с собой. Потом методично, без злости и без спешки, как снимают резьбу с болта, который прикипел намертво, взялся за левую ногу эльфа . Стык крепления бедренного блока нашёлся быстро — Джеймс знал, где искать. Не потому что изучал эту модель. Просто хорошая инженерная логика везде одинакова. Нажал. Повернул. Выдернул фиксирующий штифт . Левая нога эльфа отделилась от тазобедренного узла с тихим гидравлическим выдохом и глухим стуком легла на бетонный пол . Правая далась чуть сложнее — взрывная волна от ТАГа чуть сдвинула крепёж, заклинила один из фиксаторов. Джеймс подцепил его ножом , надавил, и правая нога эльфа легла рядом с левой. Эльф не шевельнулся. Дышал.

— Теперь — никуда, — тихо сказал Джеймс и сел у стены напротив, поставил пулемёт между ног стволом вверх, достал сигарету, прикурил от старой. Огонек на секунду осветил лицо — ровное, закрытое.

— Эй, Финтег , зацени. Голос Келла был странно спокойным для человека с вывернутой кистью, сидящего на мокром бетоне в подвале, пропахшем горелым металлом и чужой кровью. — Однажды сидел эльф на берегу озера и лакомился раками. А мимо молоденький тролленок шёл. Ему тоже раков захотелось. Келл сделал паузу — не актерскую, а такую, как делают люди, которые рассказывают анекдот не потому что смешно, а потому что иначе тишина станет слишком плотной. — Дай мне немного раков! — говорит. Не дам, — говорит эльф , — но

подскажу, как наловил. Я, говорит, член в воду опускал. Рак за него — хватать! А я его — на бережок! Ой, спасибо! — обрадовался тролленок . И оторвал эльфа член .

Пауза. Келл посмотрел на четыре кибернетических конечности , лежавших в ряд на бетонном полу .

— Вот и мы примерно так же сработали.

Джеймс долго молчал. Дым поднимался вверх тонкой ниткой. Где-то в глубине логистического узла капал конденсат. Потом из угла рта, не убирая сигареты, коротко, почти беззвучно: — Хм. Это был не смех. Это было что-то значительно более редкое — признание того, что слова попали туда, куда метили. Незнакомец на полу повернул голову и посмотрел на четыре конечности . Потом на эльфа . Потом снова в потолок. Из горла вырвалось что-то — не смех, но и не совсем обратное. Что-то среднее, с привкусом истерики, которую он придушил в зародыше.

— Тихо, — коротко бросил Джеймс .

Незнакомец замолчал. Пять минут. Может, четыре. Джеймс прислушался к темноте: ни шагов, ни голосов, ни скрежета по вентиляции. Гоблины не возвращались. Третья растяжка своё дело сделала, и теперь в логистическом узле было только то тихое, влажное дыхание заброшенного здания, которое бывает, когда ему наконец предоставили побыть одному. Кибернетический глаз Джеймса в пассивном режиме скользил по коридору . Тепловой контур эльфа у дальней стены — слабый, ровный, стабильный. Не умирает. Просто дрейфует где-то на границе. Живучий. Сука. Правая нога тихо загудела при переносе веса — он пересел, опираясь на стену, дал сервоприводу встать в нейтральное положение. Гул стих.

— Сколько у тебя морфия? — спросил Джеймс , не глядя на Келла . Просто — в воздух, ровно.

— Этого хватит до «коробочки», — ответил Келл . — Пока не дергаю.

— Не о тебе спрашиваю. Если тот... — Джеймс качнул стволом пулемета в сторону эльфа , — Не хочу, чтобы он пришёл в сознание раньше, чем приедут наши.

Это было произнесено деловито, как задают технический вопрос на инструктаже. Келл несколько секунд смотрел на эльфа . Потом на Джеймса . Потом снова на эльфа — профессионально, коротко, без эмоций.

— Могу дать седатив. Не морфий. Стабилизирует и придержит. Часа на три.

— Дай.

Келл полез в мед кейс левой рукой. Из внутреннего кармана извлёк инъектор — чуть крупнее того, которым колол себя. Поднялся, подошёл к элфу , присел, нашёл на шее участок кожи между субдермальными проводниками . Всадил иглу без предисловий. Эльф не отреагировал. Дышал ровнее. — Готово, — сообщил Келл и вернулся к стене. Снаружи, высоко над логистическим узлом , в городском небе зарокотало — нарастающий, низкий гул, с характерным тактическим ритмом: тяжёлый транспортник заходит на снижение. Не коммерческий. Слишком прямолинейно, слишком уверенно. «Коробочка» приближалась. Джеймс затушил сигарету о бетонный пол , поднялся, забросил пулемёт на плечо и посмотрел на незнакомца .

— Вставай. Идёшь своими ногами.

— Руки... — начал незнакомец .

— Руки останутся там, где они есть. Вставай.

Незнакомец перекатился на бок, неловко, с усилием, уперся в бетон скованными руками и встал. Колени у него дрожали — мелко, незаметно почти, но Келл это зафиксировал автоматически. Постстрессовая реакция. Адреналин отходит. Нормально.

— Двигаем, — сказал Джеймс и шагнул в сторону выхода. — Наши уже садятся.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:11.

Логистический узел “Восток-9” , задний двор.

Снаружи дождь усилился. Задний двор был куском мёртвого асфальта, изрытого трещинами и залитого чёрной водой. По периметру — ржавые опоры прожекторов без ламп, кучи прессованного металлолома вдоль стен, кривой забор из гофролиста, половина которого давно ушла на запчасти к чему-то более важному. Над городом — рыжее небо, нижняя кромка облаков подсвечена промышленными огнями Нижнего яруса. Тяжёлый транспортник заходил низко. Без навигационных огней — только брюхо, темное и широкое, как небольшой дом, и две турбины по бокам, гул которых давно уже перебил и дождь, и всё остальное. Прожектор на носу смотрел вниз, шарил по двору, нашел группу и остался там. Джеймс забрал револьвер у Келла без слов — просто забрал, взвесил в руке, провернул барабан, убрал за пояс. Три патрона. Принял к сведению. Потом взял незнакомца за шиворот и поволок к рампе, которая уже опускалась с брюха транспортника с глухим механическим стоном. По рампе вниз сошли четверо в тактических комбинезонах без знаков различия — двое с носилками, двое с оружием. Замкомандира, судя по тому, как он встал, — высокий человек с нейропортом в затылке и лицом, на котором навсегда отпечаталось выражение «это хуже, чем я ожидал».

— Биологический образец, один задержанный техник, один тяжело аугментированный эльф без сознания — и без конечностей, — произнес Джеймс, передавая незнакомца первому из бойцов так, как передают чемодан носильщику. — Все четыре конечности эльфа сняты, лежат там, где оставили. Ваши люди найдут. Эльф накачан седативным, часа три проспит.

Замкомандира посмотрел на него. Потом — чуть вниз, туда, где под рукой у Джеймса угадывался полевой контейнер.

— Образец здесь? — спросил он.

— Здесь, — Джеймс отдал полевой контейнер с той же безразличной точностью, с которой до этого передал незнакомца.

— Уплотнители целые. Жизнеспособна ещё часов пятнадцать, может, меньше. Что именно внутри — спросите вот у него. Он кивнул в сторону незнакомца, которого бойцы уже тащили по рампе вверх. Тот шёл покорно, как идут люди, которые уже всё взвесили и поняли, что весы не в их пользу. Под прожектором транспортника его лицо казалось меловым — молодым и очень усталым.

— А ноги и руки? Короткая пауза.

— Мои, — ответил Джеймс. — Трофей.

Замкомандира смотрел на него три секунды — ровно столько, сколько нужно опытному человеку, чтобы решить, что некоторые вопросы задавать не надо. Потом коротко кивнул.

— Ладно. Лезьте.

Джеймс зашёл на борт первым. Двое бойцов уже несли эльфа на носилках — тело без конечностей выглядело странно, почти неправдоподобно, как сломанная дорогая игрушка. Джеймс проводил его взглядом — холодным, без торжества, без брезгливости — и прошел в хвост отсека. Там, вдоль борта, стояли металлические скамейки с ремнями. Он сел, поставил пулемёт между ног, облокотился спиной о вибрирующий борт. Из кармана разгрузки появилась сигарета. Зажигалка щелкнула. Огонёк качнулся от сквозняка из рампы, но устоял. Кибернетическое предплечье эльфа лежало в разгрузке — левое и правое, завернутые в ветошь, которую он подобрал ещё в коридоре. Ноги там же, пристегнуты к боковым петлям. Тяжёлые, дорогие, военного класса. На металлолом это не сдают — это разбирают, изучают или продают тому, кто платит. *Что с эльфа взято, то свято. Правая нога тихо загудела при посадке, сервопривод поймал нагрузку с той же долей-секунды задержки. Джеймс перенёс вес. Гул стих. Он выдохнул дым и закрыл глаза на несколько секунд. Девятый сектор. Свет. Потом ничего. Открыл. Келл запрыгнул следом — одним движением, хотя правая рука при этом тихо напомнила о себе острой вспышкой и слегка подогнулась. Он чуть покосился на нее, как смотрят на предавшего сотрудника, и кивнул Джеймсу.

— Лучшая работа в мире, — сказал он. — Но в целом ну её нахуй.

Потом посмотрел на свою забинтованную кисть — вернее, на компресс, который уже съехал и держался только на честном слове — и улыбнулся. — Вернёмся на базу — напьюсь. Мне можно, я ранен.

И лёг на пол отсека. Прямо на металл, в мокром герметичном костюме, не снимая очков. Мед Кейс пристроил рядом, под голову не положил — просто вытянулся, как человек, у которого закончились возражения против гравитации. Глаза закрылись. Сустав у основания большого пальца. Проверить. Шина, холод, покой. Стандартно. Завтра. Рампа пошла вверх с тем же механическим стоном. Транспортник качнулся, турбины взяли выше. Задний двор Востока-9 провалился вниз, за иллюминатором — рыжее небо и дождь, мелкий, упрямый, равнодушный ко всему происходящему. В отсеке пахло соляжкой, мокрым металлом и чужим табаком. Незнакомец сидел напротив, пристегнутый бойцом к скамейке. Смотрел в пол. Иногда чуть двигал скованными руками — не пытаюсь вырваться, просто проверяя, что они ещё есть. Из горла иногда выходил короткий, едва слышный выдох. Постстрессовая реакция. Адреналин отходит. Нормально. Эльф лежал на носилках, пристегнутый ремнями там, где раньше были конечности. Дышал. Ровно, глубоко — седатив держал крепко. Без рук, без ног, с оплавленным боком — и всё равно выглядел так, будто стоит больше, чем весь этот транспортник вместе с грузом.

Живучий, сука, — подумал Джеймс и затанулся.

— Отчёт сами напишут, — произнёс он в никуда. — Или не напишут. Мне всё равно. Дым поднялся к потолку отсека, растворился в вибрации и рёве турбин. Снаружи Нижний ярус уходил вниз — миллион огней, миллион чужих жизней, промышленный чад и дождь. Живой город над мёртвым заводом. Джеймс смотрел в иллюминатор и курил. Правая нога молчала. Пока.

Глава 2.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:41.

База отдела, технический блок.

Транспортник сел жёстко — турбины взяли на реверс, и грузовой отсек качнуло так, что Джеймс поймал равновесие рукой за скобу у борта. Правая нога встала с задержкой. Он этого не показал. Еще до того как рампа пошла вниз, пока бойцы возились с эльфом на носилках и пихали незнакомца к выходу, Джеймс уже отстегнул от боковых петель разгрузки обе ноги эльфа и положил их на пол рядом с собой. Без спешки. Деловито — как сортируют инструмент после смены. Келл в этот момент только-только поднялся с пола отсека, морщась и баюкая правую руку.

— Финтег, я сказал — сначала нога, потом бар.

— Я слышал. Поэтому мы в бар не пойдём, — Джеймс перевернул левую кибернетическую ногу эльфа и провёл большим пальцем по бедренному шарниру. — Пока не починишь.

— Тогда хотя бы скажи, что у тебя там, а то я...

— Вот, — Джеймс протянул ему левую ногу. — Смотри сам. Я разобрал. Вот эти детали — получше будет, чем у меня в ноге сейчас.

Он вынул из нагрудного кармана разгрузки три снятых узла: гидравлический уплотнитель, фиксирующую обойму бедренного привода и небольшой стабилизирующий блок с маркировкой военного класса. Хорошие детали. Дорогие. Из тех, что в магазинах Нижнего яруса не купишь просто так.

— Только остальное не трожь внутри.

Келл взял узлы, повертел в левой руке — правая все еще держалась на честном слове и морфии — и ничего не сказал. Что само по себе было красноречиво. Технический блок базы пах машинным маслом и горячим металлом — нормальный запах для места, где разбирают, чинят и собирают заново всё, что разбирается, чинится и собирается. Вдоль стен — стойки с инструментом, диагностический стол, два монтажных кресла с подголовниками и регулируемыми подлокотниками. Над столом — подвесная лампа на шарнире, яркая, холодная, без теней. Джеймс добрался сюда раньше. Сбросил разгрузку, поставил пулемёт к стене стволом вверх, сел в монтажное кресло и принялся ждать. Сигарета уже была в зубах, но он не прикуривал — в техблоке висело стандартное предупреждение про взрывоопасные смазки, и он его, в общем, читал. Держал в руке незажжённую. Просто держал. Келл появился через двенадцать минут — в чистом, после душа, с аккуратно наложенным жёстким биндом на правую кисть. Двигалась рука осторожно, но двигалась. На лице — то характерное выражение врача, который уже сам себя осмотрел и составил диагноз, и диагноз ему не понравился, но жить можно.

— Вывих. Не перелом, — сообщил он, садясь напротив и открывая медкейс. — Мне повезло.

— Знаю, — ответил Джеймс.

— Знаешь?

— У тебя рука всё ещё на месте.

Келл посмотрел на него. Потом на незажжённую сигарету. Потом снова на него.

— Ладно. Снимай штаны.

— Это не та фраза, которую хочется слышать от врача в полночь.

— Финтег.

— Снимаю.

Джеймс отстегнул крепления правой ноги привычным движением — пальцы нашли защёлки раньше, чем голова отдала команду — и положил ее рядом с монтажным столом. Без ноги он двигался иначе: чуть медленнее, с опорой на край кресла, корпус слегка повернут влево. Никакой суеты. Просто другой баланс. Келл взял ногу обеими руками — левой крепко, правой осторожно, с поправкой на бинд — и поднёс под лампу. Провернул бедренный узел. Тихо, почти неслышно, но с тем характерным чуть вязким ходом, который бывает, когда уплотнитель уже не держит нагрузку нормально. — Вот он, — произнёс Келл. — Уплотнитель в стыке бедренного привода просел. Зазор небольшой, но при динамической нагрузке на скользкой поверхности...

— Подломится, — закончил Джеймс. — Знаю. Слышал весь вечер.

— И молчал.

— Работало.

Келл не ответил. Просто взял гидравлический уплотнитель, снятый с ноги эльфа, осмотрел маркировку под лампой и присвистнул — коротко, без пафоса.

— Военный класс. Хорошая вещь. Наш эльф был щедрым донором.

— Безвозмездно, — согласился Джеймс снова склонился над узлом.

— Ладно. Смотри — я сейчас выпрессую старый, поставлю новый. Займет минут двадцать, может чуть больше. Потом калибровка привода. Где у тебя диагностический порт?

— Левое предплечье. Нижний разъем.

— Тогда дай кабель.

Джеймс без слов вытащил из внутреннего кармана диагностический кабель — короткий, плетёный, с двумя разными разъёмами и бросил его на стол. Потом наконец щелкнул зажигалкой. Сигарета задымилась. Он затаился, выдохнул медленно, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Делай.

Келл уже работал. Левой рукой достал монтажный ключ и выпрессовочный инструмент — небольшой, под кибернетические шарниры, и прицелился к стыку. Правая рука помогала, но осторожно, с ограниченным усилием. Вывих — не перелом, но двигать им тяжелые детали пока не стоило. В тех блоке было тихо. Лампа гудела ровно. Откуда-то из-за стены доносился далекий, равномерный гул вентиляции. Дождь барабанил по металлическому козырьку над окном — всё тот же упрямый, равнодушный дождь Нижнего яруса. Двадцать минут — это не так долго. Можно посидеть с сигаретой. Первый раз за весь вечер сидеть и не держать ствол.

— Финтег, — позвал Келл через несколько минут, не отрываясь от работы.

— Что.

— Ты сказал «трофей». Замкомандира посмотрел на тебя как на сумасшедшего.

— Я знаю.

— И ты забрал конечности эльфа, потому что...

— Потому что они военного класса и стоят денег, — ровно ответил Джеймс помолчал. Что-то щелкнуло. Старый уплотнитель вышел из гнезда с легким сопротивлением.

— Справедливо, — произнес он наконец.

— Я так и думал.

Дым поднялся к потолку тех блока, растворился под лампой. Келл взял новый уплотнитель — тот самый, с ноги эльфа — и начал заводить его в посадочное гнездо. Точно. Без лишних движений. Как врач, который умеет работать одной рабочей рукой и не признается в этом вслух. За окном шёл дождь, и Нижний ярус жил своей ночной жизнью — громко, грязно, не спрашивая ни у кого разрешения. Где-то там, в недрах базы, незнакомец сидел в одной из комнат для задержанных и смотрел в стену. А эльф лежал на койке в медблоке, без конечностей, под седативным, и три часа его сна шли к своему концу. Джеймс докурил. Погасил сигарету о подлокотник кресла. Вытащил новую.

— Долго ещё?

— Десять минут, — сказал Келл. — Потом калибровка.

— После калибровки — бар?

— После калибровки — бар, — согласился Келл. — Мне можно. Я ранен.

— Мне тоже можно. Я терпел тебя весь вечер.

Пауза. Потом из-за ноги, которую Келл держал под лампой, послышался короткий, негромкий звук. Не смех. Что-то похожее.

— Принято, — сказал Келл.

21 марта 2372 года

Вторник. 23:52.

База отдела, технический блок, бар базы.

Келл стоял у двери и смотрел на Джеймса с таким видом, как смотрят на человека, которому только что вручили медаль за то, что он не взорвал здание.

— А ты знал, что самые страшные слова заканчиваются на «льник»? Понедельник, начальник, будильник! Но самое страшное — это ебальник начальника в понедельник после будильника.

Хохотнул. Коротко, но по-настоящему — и вышел, не дожидаясь реакции. Джеймс несколько секунд смотрел в закрывшуюся дверь. Потом — почти неслышно, одним углом рта:

— Ага. А ещё собутыльник. Тоже страшно.

Он встал с монтажного кресла. Правая нога встала правильно. Без задержки, без люфта, без того тихого гула, который последние часы сидел в голове фоном. Джеймс перенёс вес, прошелся два шага туда, два обратно. Нога держала нагрузку ровно, сервопривод молчал. Просто работал, как должен. Вот так. Он не сказал ничего. Просто поднял разгрузку с крюка у стены, перекинул через плечо — привычно, как надевают старую куртку. Внутри что-то мягко стук-

нуло: предплечья эльфа в ветоши. Джеймс не проверял — и так знал, что на месте. Из угла взял плащ — темный, длинный, с тем налетом усталости на ткани, который не отстирывается. Накинул. Из кармана — сигарета, щелчок зажигалки. В коридоре базы пахло казенщиной, горячим кофе из автомата где-то за поворотом и той особенной усталостью, которую воздух впитывает, когда в здании третьи сутки идут без нормального сна. На посту у дежурной стойки сидел дежурный — молодой, с красными глазами, в мятом кителе — и при виде Джеймса поднялся с таким выражением, как поднимаются люди, которых специально обучили произносить слово «отчёт» в любых обстоятельствах.

— Финтег, нужно заполнить...

Джеймс не остановился. Левой рукой он нырнул в боковой карман разгрузки и вытащил небольшую стеклянную колбу с бесцветной жидкостью — прозрачная, с притертой пробкой, легкая на вид и тяжелая по смыслу. На боку — ни этикетки, ни маркировки. Только масло. Только нитроглицерин в промышленной концентрации. Он поставил колбу на дежурную стойку перед дежурным. Аккуратно. Без стука.

— Выпей. И попрыгай.

Пауза.

— Тогда я, может быть, напишу отчёт.

Дежурный посмотрел на колбу. Потом на Джеймса. Потом снова на колбу. Молчание длилось ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы решить, что некоторые вещи лучше не уточнять. Джеймс забрал колбу, сунул обратно в карман и пошёл дальше. — Келл уже ждал у двери в бар базы — невысокое помещение в торце жилого крыла, без вывески, без претензий. Просто стойка, несколько столиков, полка с бутылками за стойкой и бармен — массивный орк лет сорока с шрамом через нижнюю губу и таким видом, будто он слышал уже всё и большинство из этого ему не понравилось. Бар в почти полночь был пуст. Только в дальнем углу столик занимала пара бойцов из ночной смены — тихо, над стаканами, никому не мешая. Келл приоткрыл дверь, заглянул внутрь и повернулся к Джеймсу.

— Живой?

— Нога работает, — ответил Джеймс.

— Это хорошо. Потому что мне нужен свидетель того, что я сейчас собираюсь сделать с этим виски.

Они вошли. Джеймс первым — по привычке — прошёлся взглядом по помещению: два выхода, один заблокирован ящиками, бойцы в углу не вооружены, бармен за стойкой занят стаканом и тряпкой. Угроз нет. Он это зафиксировал и отпустил. Сел у стойки. Келл устроился рядом и поднял правую руку показать бармену. Не жест заказа. Просто предъявил бандаж как доказательство.

— Мне можно. Я ранен.

Бармен — орк посмотрел на бандаж. Потом на Джеймса. Потом молча поставил на стойку бутылку виски. Не дешевую синтетику из нижних полок, а что-то с выдержкой и настоящей этикеткой, и два стакана. Умный орк. Джеймс взял бутылку, открыл, налил — себе и Келлу. Два пальца. Ровно. Поднял стакан, посмотрел сквозь него на лампу над стойкой — янтарь и свет.

— Никаких отчётов, — произнёс Джеймс.

— Никакого начальства, — добавил Келл.

Они выпили. Не чокаясь. Джеймс поставил стакан, взял сигарету, закурил прямо у стойки — бармен покосился, но ничего не сказал. Дым поплыл под низкий потолок бара. На полке за стойкой, между бутылками, тихо мигал маленький экран — ночные новости без звука. На нём что-то горело в Нижнем ярусе — не здесь, где-то в пятом секторе, судя по подписи. Техника, дрон, дымный столб. Обычная ночь. Джеймс смотрел на экран без интереса. Потом перевёл взгляд на свою правую ногу — просто так, мельком. Нога стояла ровно. Сер-

вопривод молчал. Работает. Он налил второй раз. — Эта штука у тебя в руке, — сказал он, кивнув на бандаж Келла, — когда излечится?

— Если не буду дергать — через неделю нормально. Если буду дергать — через три дня будет больно и некрасиво.

— Будешь дёргать.

Джеймс просто поднял стакан. За дверью бара база жила своей ночной жизнью: где-то в медблоке под седативным лежал эльф — без рук, без ног, и с тремя часами седатива, которые, если считать от укола, уже заканчивались. В комнате для задержанных незнакомец смотрел в стену и, вероятно, очень старательно придумывал, что говорить на допросе. А где-то на верхних этажах базы кто-то из начальства уже читал предварительный рапорт и, судя по всему, испытывал сложные чувства. Но это всё — завтра. Или послезавтра. Или никогда, если дежурный всё-таки выпьет и попрыгает.

— Наливай третий, — сказал Келл. Джеймс налил.

22 марта 2372 года

Среда. Около 09:40.

Солнце в базе отдела не было видно никогда — только тот рассеянный серый свет, что просачивался сквозь узкие окна под потолком и не давал называть это место ни днём, ни ночью. Этого обычно было достаточно. Келл очнулся у себя в кабинете с ощущением, что кто-то аккуратно, но методично постукивал изнутри черепа тупым инструментом. Минералка из холодильника ушла залпом, не принеся особого облегчения, только прохлады в горле и короткая иллюзия, что организм ещё поддаётся переговорам. На интеркоме мигало.

— У вас одно входящее сообщение и девяносто три звонка. Отправитель — жирный дворф. Желаете послушать?

Келл посмотрел на интерком с тем видом, с которым смотрят на человека, который хочет поговорить прямо сейчас, когда у тебя болит голова и нет никакого желания его видеть. Нажал отключить. Аппарат замолчал. По пути к административному центру Келл завернул к интенданту базы — пожилому гному с вечно недовольным выражением и привычкой записывать всё в бумажный журнал поверх электронного, «на всякий случай». Получил табельный пистолет — стандартный, без изысков, с полным магазином. Покрутил в руке правой кистью, поморщился. Всё-таки дергал. Интендант это заметил, но промолчал. Мудрый гном. Келл принял ибупрофен из кармана, запил остатком воды, убрал пистолет в кобуру и направился к кабинету Хейза. В кабинете начальника Келла встретила секретарша — молодая, с уложенными волосами, в аккуратном жакете, совершенно неуместном в этом здании. Она печатала что-то с равномерной скоростью и даже не подняла головы.

— Если вы ищете босса, он ушёл к мистеру Финтегу.

Келл прошёл мимо. Дверь в кабинет Джеймса была закрыта. Из-за неё доносилось то, что трудно назвать разговором. Скорее два голоса, которые одновременно пытаются занять одно пространство. Оба достаточно громко. Келл остановился в коридоре, прислушался.

За дверью Джеймс выглядел именно так, как выглядит человек, который бухал всю ночь, в какой-то момент вышел в рейд к начальству, получил седатив в шею, очнулся на кушетке у себя в кабинете, и теперь сидел на этой самой кушетке в мятой одежде с запахом вчерашнего виски — с одной рукой за головой и взглядом человека, который ещё решает, начался ли уже день или это всё ещё продолжение ночи. Правая кибернетическая нога стояла ровно. Сервопривод молчал. Хоть что-то. Напротив него, на стуле, развёрнутом спинкой вперёд, сидел начальник — невысокий, коренастый дворф лет под шестьдесят по виду (хотя дворфам считать годы дело неблагодарное), с густой рыжей бородой, заплетенной в две косы, и с левым глазом, который вчера ещё был просто глазом, а сегодня являл собой произведение синяков в желто-фиолетовой гамме. Он смотрел на Джеймса с выражением, которое где-то между «я тебя убью» и «я слишком стар для этого дерьма», и держал в руках кружку с кофе так, будто

она была единственным якорем, удерживающим его от финального решения. Звали его Грегор Хейз . Начальник базы отдела и, по совместительству, человек, который лично договаривался о кушетке в кабинете Джеймса , потому что альтернатива — объяснять, почему в изоляторе регулярно что-то взрывается — стоила дороже нервов.

— Значит, помнишь, — сказал Хейз без интонации.

— Гоблины, — повторил Джеймс . — Вооружённая группа. Кустарная экзо пластина. Целенаправленно шли за цилиндром. Их было минимум четверо — один в технический канал ушёл, трое вглубь. Плюс эльф в коридоре — отдельный игрок, не с ними.

— Это я уже читал в предварительном рапорте. Который ты не писал. Который писал дежурный со слов Вэйда.

— Значит, хорошо написал.

Хейз поставил кружку на стол с аккуратностью человека, который очень старается не шваркнуть ею об стену.

— Финтег. Вас отправили вдвоем. Ты и медик.

— Я знаю.

— На биологическую угрозу неустановленного класса.

— Я знаю.

— На объект, где связь не работает.

— Я знаю!

— И ты пришёл ко мне в три ночи и попытался мне объяснить, что это было неправильное решение, — сказал Хейз , — кулаком.

Пауза.

— Я обычно так выражаю несогласие, — сказал Джеймс .

— Я заметил. У меня теперь три дня синяк будет. — Хейз потрогал левый глаз, поморщился. — Слушай, я тебя понимаю. Правда, понимаю. Группу надо было формировать иначе, это факт.

— Группа — это не подрывник и медик, — произнёс Джеймс с интонацией человека, который повторяет очевидное уже несколько часов. — Это минимум четыре бойца. На объект с неустановленным биологическим агентом, с нерабочей связью и без разведанных. Ты бы в армии за такое решение...

— В армии мы оба рассмотрелись на решения, за которые никто ничего не получил, — перебил Хейз . Голос стал чуть тише. — Я знаю. Я не идиот.

— Тогда зачем так?

Хейз помолчал. Взял кружку , отпил.

— Потому что у нас четыре бойца сейчас на карантине. «Восток-2», помнишь, там химия была три недели назад. Двое на выезде в Северном ярусе . Один в лазарете с переломом. А из тех, кто остался на базе, я мог отправить либо тебя с Вэйдом, либо двух стажеров, которые видели живого гоблина только на учениях.

Молчание. Нехорошее молчание — то, в котором аргументы не пропадают, а оседают. *Вот почему.*

Джеймс знал это ощущение. Когда посылаешь людей не потому что хочешь, а потому что больше некого. Когда выбора нет — есть только варианты, каждый из которых хуже предыдущего. Он посмотрел в стену. Потом на свою правую ногу. Потом снова на Хейза .

— Надо было сказать.

— Ты бы спорил.

— Я бы всё равно пошёл.

— Я знаю. Поэтому не сказал. — Хейз потёр лоб. — Финтег, ты справился. Вы оба справились. Образец у нас, эльф в медблоке, техник в камере. Всё чисто.

— Не чисто, — возразил Джеймс . — Один гоблин ушёл в технический канал. Мы его не нашли. Значит, кто-то знает, что операция провалилась. Значит, кто-то сейчас делает выводы.

Хейз смотрел на него несколько секунд.

— Это я тоже читал.

— И?

— И работаем. — Встал со стула . — Техника сегодня допрашивают. С эльфом — сложнее, он в медблоке под наблюдением, медики говорят, ещё сутки минимум. Но как только он придёт в нормальное состояние...

— Он без конечностей.

— Я в курсе, — сказал Хейз ровно. — Это, кстати, отдельный разговор. Трофеи — это понятно, я не первый раз это вижу. Но юридически...

— Юридически он стрелял первым. У него было оружие. Конечности использовались как оружие. Я обезвредил угрозу.

Долгая пауза.

— Финтег, — произнёс Хейз . — Ты хоть иногда слышишь, что говоришь?

— Постоянно.

Хейз посмотрел в потолок, потом в сторону двери . Вот в этот момент дверь и открылась.

Келл вошел с видом человека, который уже слышал примерно треть разговора через дверь и специально выбрал момент, когда с той стороны наступила пауза. В правой руке он держал стакан с водой — взял у автомата в коридоре, — а на лице было то нейтральное выражение, которое опытные медики используют в ситуациях, когда все остальные выражения хуже.

— Доброе утро, — сказал он.

Хейз посмотрел на него. Потом на стакан .

— Вэйд.

— Мистер Хейз. — Келл покосился на синяк. — Хорошо выглядите.

Хейз не ответил. Повернулся к Джеймсу .

— Значит так. Ты пишешь нормальный рапорт. Не дежурный, не Вэйд — ты. Сегодня. Пока помнишь. — Поднял кружку , сделал шаг к двери . — И можешь считать, что про кулак — мы по квитались. — Тронул левый глаз. — Почти.

Вышел. Дверь закрылась. Тишина в кабинете Джеймса была короткой и немного влажной — как после дождя. Келл поставил стакан с водой на стол перед Джеймсом , дошёл до второго стула у стены и сел, осторожно согнув правую руку. Посмотрел на Джеймса .

— Ты ему в глаз дал.

— Да. Он маленький. — Пауза. — Дворф вообще.

— Зато нос у них...

— ...на уровне кулака, я понял.

Келл помолчал.

— Попал?

— В глаз же.

— Хороший глаз.

Келл откинулся к стене.

— Он мне девяносто три раза звонил. Интерком.

— Я знаю. Звонили, пока ты его не отключил.

— Откуда ты знаешь, что я отключил?

— Потому что иначе ты бы пришёл раньше.

Еще одна пауза. Келл посмотрел на стакан с водой перед Джеймсом .

— Пей. Ты выглядишь как цилиндр после взрыва.

— Работаю над этим, — сказал Джеймс , но руку к стакану не протянул.

Снаружи, где-то в глубине базы , хлопнула дверь и сразу после этого прошли шаги по коридору. Быстрые. Не стремительные, но целенаправленные. Потом стихли. На столе у Джеймса лежал пустой бланк рапорта . Отчёт никто не написал. В медблоке сутки до допроса эльфа. В комнате для задержанных — техник с нейропортом за ухом и, вероятно, уже придуманными ответами. И где-то в Нижнем ярусе — один гоблин , который видел всё и ушёл в технический канал.

22 марта 2372 года

Среда. 09:42 — 17:15.

База отдела .

Келл придвинулся к столу Джеймса и посмотрел на пустой бланк рапорта . Потом на Джеймса . Потом снова на бланк .

— Ну что, дружище, — сказал он с той интонацией человека, который уже принял решение не торопиться, — с чего хочешь начать? Эльф? Технар? Или отчёт? Сделал паузу. — Писанины тебе предстоит просто ебанись.

Откинулся на спинку стула , закинул руки за голову и начал насвистывать что-то издательски бодрое — похожее на марш, только слегка расстроенное. Джеймс смотрел на него с тем выражением, которое у людей появляется, когда они обдумывают, стоит ли делать что-то, о чём потом спросят в рапорте.

— Мне кстати выдали новый пистолет, — продолжил Келл . Извлёк табельный пистолет из кобуры, покрутил на пальце — правая рука чуть дернулась на обратном движении, бандаж напомнил о себе, — и ловко засунул обратно. Почти ловко.

— Но на самом деле я бы начал с допроса эльфа. Уж больно мерзкая у него рожа. Тупая такая, как у... как у Хейза. Только тупее.

Джеймс помолчал секунду.

— Хейз хотя бы умещается в поле зрения целиком.

Потянулся к стакану с водой , отпил. Поставил обратно. Взял бланк рапорта , положил перед собой. Посмотрел на него долгим взглядом человека, который смотрит на мину с неизвестным принципом срабатывания — и начал писать. Келл ушёл. У него было свое расписание, свой кофе и, вероятно, хоть какое-то намерение узнать, что происходит с задержанными. Джеймс остался один. Сигарета. Бланк . Ручка. Первая страница далась легко — дата, личный номер, объект. Потом пошло хуже. Потому что рапорт — это не просто «мы зашли, нашли, взорвали, вышли». Рапорт — это объяснение. Каждое решение, каждый выстрел, каждый отрезанный кибернетический сустав должен превратиться в предложение с подлежащим и сказуемым, желательно без слов «потому что он меня раздражал». Применение взрывного заряда... в целях нейтрализации угрозы... в соответствии с... тактической необходимостью... Первый бланк полетел в мусорную корзину через двадцать минут. Второй — через десять. Третий Джеймс поджёг прямо над пепельницей и смотрел, как он горит, с нездоровым удовлетворением. К половине двенадцатого в корзине было три скомканных черновика , один сожженный дотла, один, разорванный на восемь частей. Джеймс сидел, курил и думал о том, что бюрократия — это оружие массового поражения, которое убивает медленно и без следов. В двенадцать он встал, надел плащ и вышел. Бордель в Нижнем ярусе назывался « Серебряная ветка » — без иронии, с неоновой вывеской в форме листа, которая мигала одним концом. Внутри пахло дешевыми духами, разогретым пластиком и тем особым воздухом помещений, где никогда не бывает утра. Джеймс знал это место. Бывал. Не часто, но достаточно, чтобы администратор — пожилая нага с очками на носу — посмотрела на него поверх оправы без особого удивления.

— Эльфийское крыло, — сказал он.

— Кабинет три свободен. Двести пятьдесят в час, напитки отдельно.

— Не нужны напитки.

Нага протянула ключ-карту . Джеймс взял её, прошёл по коридору. Кибернетическая нога ступала ровно, сервопривод молчал. Хорошая работа, Келл . Что происходило в кабинете три следующие два часа — в рапорт не вошло. Потому что рапорт об этом никто не просил. И потому что некоторые способы выпустить пар лучше оставить личным делом. Джеймс вышел в начале третьего. Купил у лоточника на углу стакан чёрного кофе — слишком горячий, слишком горький, абсолютно правильный — и закурил на улице, глядя на нижний горизонт Нижнего яруса .

Лучше.

Не хорошо. Но лучше. Он вернулся в кабинет в начале четвёртого. Сел. Открыл новый бланк . Написал первое предложение. Потом второе. Потом скомкал третью страницу, потому что там появилось слово «нецелесообразно», и он не был уверен, применимо ли оно к ампутации кибернетических конечностей. В пять ещё один черновик растворился в небольшом флаконе кислоты — технический растворитель из нижнего ящика стола , предназначенный для очистки контактов. Бумага не была предназначена для кислоты. Кислота об этом не знала. В половине шестого Джеймс выровнял последнюю страницу на столе , прочитал ее два раза, поморщился один раз и подписал. Двадцать две страницы. Полный отчёт об операции на объекте « Восток-9 » от 21 марта 2372 года. Изложено сухо, точно, с минимумом прилагательных и максимумом существительных. Ампутация конечностей эльфа описана как «механическое обезвреживание кибернетически усиленного противника в условиях ограниченного пространства и невозможности применения летального поражающего воздействия» — формулировка, которую Джеймс крутил в голове четыре часа и которой всё равно не был доволен, но которая, по крайней мере, не содержала правды в неудобном виде. Он сложил рапорт в папку . Встал. Из внешнего кармана разгрузки достал небольшой плоский цилиндрический корпус — самодельный, с магнитным основанием и парой выведенных наружу контактов. Внутри — ничего. Абсолютно ничего. Холостая. Но внешне — практически неотличима от реальной нажимной мины с детонатором, реагирующим на смещение.

Почти.

Коридор до кабинета Хейза — полтора пролёта, один поворот. Джеймс прошёл его спокойно, кивнул секретарше у входа — та открыла рот и сразу закрыла — и зашёл без стука. Кабинет Хейза был пуст. Хорошо. Джеймс положил папку с рапортом на центр стола . Достал холостую мину , примагнитил снизу к папке , аккуратно — чтобы сама не слетела, но при первой же попытке сдвинуть папку контакты замкнулись бы и индикатор мигнул красным. Выставил на детектор смещения. Нажал активацию. Индикатор мигнул зеленым — на боевом взводе — и затих. Выпрямился. Посмотрел на стол.

Рапорт готов. Отчёт написан. Можно считать, что задание выполнено.

Вышел. Дверь закрыл тихо. В коридоре секретарша смотрела на него с выражением человека, который уже понял, что лучше ничего не спрашивать.

— Передайте мистеру Хейзу , что рапорт на столе, — сказал Джеймс . — И что перед тем, как его взять, лучше позвонить мне.

Пауза.

— Это важно.

В коридоре базы пахло кофе из автомата, чьим-то ужином из столовой и тем ровным гулом рабочей смены, которая не заканчивается и не начинается, а просто всегда идёт. Где-то в глубине этажа хлопнула дверь . В медблоке эльф лежал уже без седатива — тот закончился несколько часов назад по расчётам — и, вероятно, смотрел в потолок с тем особым взглядом, который бывает у людей, обнаруживших, что у них больше нет рук и ног. В комнате для задержанных — техник , который провёл с ответами весь день и теперь, судя по всему, ждал. И где-то в Нижнем ярусе — один гоблин , который видел всё. Джеймс закурил прямо в коридоре и пошел искать Келла .

22 марта 2372 года

Среда. ~17:20.

База отдела , медблок .

Джеймс нашёл Келла там, где и ожидал — у медблока . Не снаружи, не у двери , а уже внутри: Вэйд стоял перед кроватью и смотрел на эльфа с тем профессиональным выражением, которое бывает у врачей и мясников, когда они оценивают свою работу. Эльф был в сознании. Это было заметно сразу — по тому, как грудная клетка поднималась чуть чаще нормы, по тому, как единственный оставшийся живой глаз смотрел в потолок с той особенной сосредоточенностью, которая бывает у людей, усиленно делающих вид, что их нет. Второй глаз — кибернетический — был мёртв: линза не светилась, iris-привод не двигался. Видимо, питание оторвало вместе с предплечьями . Остальное тоже было налицо. Вернее — отсутствовало.

Мечта любой тёлки. Мечта да и только.

Джеймс остановился в дверном проеме , держа два стакана кофе из коридорного автомата . Протянул один Келлу . Тот взял, не оборачиваясь, сделал глоток — и тогда только повернулся к Джеймсу .

— Ну что? Хороший полицейский — плохой полицейский?

Джеймс посмотрел на эльфа . Потом на стакан в своей руке. Отпил.

Он прошёл к бойцам у стены — двое резервной охраны, с карабинами на плечах и сучающими лицами. Один из них напрягся было, но Джеймс уже проходил мимо, не замедляясь.

— Выйдите, — сказал он. — Оба.

— У нас приказ наблюдать за заключенным...

— Я слышал. Выйдите.

Бойцы открыл рот, хотели возразить, переглянулись с напарником. Келл спокойно поднял табельный пистолет , не целясь — просто показал. Не угрожающе. Профессионально.

Жест говорил примерно следующее: Всё под контролем.

Бойцы вышли. Дверь закрылась.

Эльф повернул голову. Медленно, с усилием — мышцы шеи не были повреждены, но тело явно не торопилось слушаться после нескольких часов в отключке. Он смотрел на них обоих. На Джеймса — чуть дольше. Лицо у него было молодым. Лет тридцать на вид, может сорок — у эльфов с этим сложно. Скулы острые, кожа бледная под медицинскими электродами на висках, тонкие длинные уши с рваным краем там, где было кибернетическое ухо — Джеймс его, впрочем, не трогал, оно, видимо, вырвалось при взрыве. Под простыней заканчивались культы — аккуратно перевязанные, со временными зажимами на торцах нервных пучков. Он смотрел. Не просил. Не угрожал. Просто смотрел.

— Имя, — сказал Джеймс . Без интонации. Как называют пункт списка.

Эльф молчал. Джеймс придвинул стул , сел — неторопливо, как человек, у которого много времени. Поставил стакан кофе на прикроватный столик . Посмотрел на культы . Потом на лицо эльфа .

— Ты слышал, как я разговариваю с теми, у кого есть руки и ноги? — сказал Джеймс ровно. — Примерно так же. Поэтому не думай, что твоё положение даёт тебе какую-то особую привилегию.

Пауза.

Из коридора снаружи — приглушенный гул вентиляции и чьи-то шаги.

— Ты пришёл за культурой. В служебном коридоре. Один. — Джеймс взял стакан кофе , подержал. — Корпоративный специалист, наёмник, личная инициатива?

Джеймс поставил стакан обратно, встал и повернулся к Келлу . Жест — коротко, в сторону эльфа .

Твой выход.

Келл убрал пистолет в кобуру и подошёл к кровати с другой стороны. Движения спокойные, профессиональные — врач, не боец. Взял планшет с прикроватного крюка, пролистал мед карту без особого интереса, как листают меню ресторана, в котором уже бывали. Поднял взгляд на эльфа. Улыбнулся. Не зло — просто так.

— Знаешь, — сказал Келл почти дружелюбно, — у тебя сейчас нет рук и ног. Это — объективный медицинский факт. — Он положил планшет обратно. — Но у тебя есть нервные окончания. И анестезия, которую тебе дали, рассчитана примерно до утра. А потом медики снимут её, потому что им нужно понять, нет ли инфекции по культям. Это стандартная процедура. Пауза. Келл поднял свою забинтованную правую руку, показал эльфу.

— Я вот сегодня руку повредил. Знаешь как неприятно? — Качнул головой с видом искреннего сочувствия. — А у тебя четыре таких места. Четыре. Плюс общий болевой фон от взрывной волны. Он отошёл от кровати на шаг, взял свой стакан кофе, сделал глоток.

— Я — врач. Это значит, что я могу сделать так, чтобы тебе было очень хорошо. — Пауза. — Или просто не мешать тому, что будет естественным образом, когда анестезия кончится.

В медблоке было тихо. Мониторы у кровати отсчитывали пульс ровный, тренированный. Слишком ровный для человека в таком положении.

Либо железная выдержка. Либо аугментации с блокировкой болевого ответа. Либо и то, и другое.

Эльф смотрел в потолок. Потом — в сторону. Потом его взгляд остановился на Джеймсе, который стоял у стены, прислонившись к шкафу с оборудованием, курил прямо в медблоке и смотрел в окно на серый двор базы.

— Вы не из корпорации, — произнёс эльф. Голос — низкий, чуть хриплый, с тем акцентом, который бывает у тех, кто давно живет среди людей, но всё равно думает не на их языке. — Иначе бы уже...

Он не закончил. Но смысл был понятен.

— Иначе бы что? — спросил Джеймс, не поворачиваясь.

Молчание. Джеймс наконец посмотрел на эльфа. Выдохнул дым в сторону от кровати. — Имя. Кто тебя нанял? Зачем вам была нужна эта культура? — Три пункта. Ровно.

— Мне не нужен роман. Мне нужны три ответа.

Эльф смотрел на него. Потом на Келла. Что-то в этом взгляде — не страх, не злость — больше похожее на расчёт. Он взвешивал. Монитор рядом с кроватью тихо пискнул: пульс чуть поднялся. Совсем чуть

22 марта 2372 года

Среда. ~17:25.

База отдела, медблок.

Джеймс молчал секунду. Потом — другую. Потом достал колбу. Он не торопился. Просто вытащил её из бокового кармана разгрузки — небольшую, прозрачную, с притертой пробкой — и поднес к свету лампы над кроватью. Бесцветная жидкость чуть качнулась внутри. Ничего особенного. Масло как масло.

— Знаешь, за что меня прозвали «Масло»? Голос был ровный. Почти мягкий. Тем хуже. — Расскажу. — Джеймс сел на стул у кровати — не у изголовья, а ближе к ногам, туда, где у эльфа теперь ничего нет. Поставил колбу на прикроватный столик рядом с синим инъектором. Аккуратно. — Мы брали в плен. Не всегда. Но иногда брали. Вашим предлагали выбор: говоришь — живешь. Не говоришь...

Пауза.

Он взял колбу, крутанул между двух пальцев — спокойно, как крутят монету.

— Их заставляли это пить. И прыгать.

Запах озона. Не здесь. Где-то в голове. Вспышка белого, потом темнота, потом смех — его смех, потом не его, потом вообще непонятно чей.

Джеймс сделал медленный выдох через нос. Положил колбу обратно на столик .

— Желудок разрывает изнутри. Не сразу. Не быстро. — Он посмотрел на эльфа — в единственный живой глаз. — Некоторые умирали четыре дня. Ваши такие крепкие снаружи. Аугментации, броня, рефлексy. А внутри — то же самое мясо, что у всех. И «маслице» об этом знает.

Пауза.

— Высшая раса, — произнес Джеймс . Тихо. Без интонации. Как констатация.

Смех. Снова смех. Парни смеялись над чем-то, уже не помнишь над чем, это было до... до плазменной мины, до того как половина отделения — в разные стороны, и Серов орал что-то справа и потом не орал, и Аги вообще непонятно куда делась, а эльфы смеялись, потому что им было смешно, им всегда было смешно...

Он встал. Резко — слишком резко для человека, который только что говорил спокойно. Отошел к шкафу с оборудованием , прислонился спиной, не глядя на эльфа . В правой кибернетической руке что-то мелко дернулось — сжалось в кулак само, без приказа. Джеймс посмотрел на кулак. Разжал. Медленно. Вытащил сигарету , прикурил. Затянулся. Задержал.

Дым. Не озон. Просто дым.

Выдохнул. Келл не смотрел на Джеймса . Смотрел на эльфа . Он поднял с прикроватного столика синий иньектор — медленно, демонстративно, как поднимают предмет, который хотят, чтобы заметили — и покрутил в пальцах.

— Ты корпорат? — спросил Келл . Спокойно, почти скучно. — Армакор? Синтек Биомед? Независимый?

Пауза.

— Молчать — не в твоих интересах. Объясню почему.

Он поставил иньектор на столик с негромким стуком.

— Вот это — то, что не даст тебе тут сдохнуть как крысе. — Кивнул на иньектор . — Начнешь говорить — добрый доктор сделает укольчик. Боль уйдёт. Культи нормально заживут. Может, даже протезы нормальные поставим. — Он оглянулся на Джеймса с видом человека, оценивающего это предложение. — Не военного класса, конечно. Но ходить сможешь.

Пауза.

Келл повернулся обратно к элфу .

— Будешь молчать — лично пушу на металлолом. Сдам бездомным на цветмет. Что от тебя осталось — там не так много, но орки на нижних ярусах не брезгают.

Он облокотился спиной на шкаф с оборудованием с другой стороны, скрестил руки. Забинтованная правая рука чуть дёрнулась.

— Ядро вырежу сам. Брошу к дверям твоей корпорации. А что это за контора — выясним. Время у нас есть.

Молчание.

— Решай, — сказал Келл . — Времени немного.

Эльф смотрел в потолок. Монитор у кровати тихо отсчитывал пульс . Ровный. Тренированный. Слишком ровный. Потом — не сразу, не быстро — он закрыл глаз. Открыл. Посмотрел на колбу . Потом на синий иньектор . Потом — на Джеймса у шкафа .

— Вы не понимаете, с кем связались, — произнёс он. Тихо. Без угрозы — скорее как человек, констатирующий погоду.

— Объясни, — сказал Джеймс из угла. Не двигаясь. Долгая пауза.

— Меня зовут Лиен, — сказал эльф . — Лиен Тárвэ. Я не корпорат. Я — наёмник. Независимый. — Он сглотнул. — Культуру заказал человек. Через посредника. Я должен был забрать её у гоблинов и доставить на точку в пятом секторе. Ни имени, ни лица. Только адрес и аванс.

Пульс на мониторе чуть поднялся. Совсем чуть.

— Адрес, — сказал Джеймс .

Лиен посмотрел на него. Потом — снова в потолок.

— Пятый сектор. Промзона Д . Зброшенный распределительный узел, третий уровень, бокс семнадцать.

Пауза.

— Я должен был быть там через шесть часов после изъятия. Срок уже прошёл. Если я не пришёл — они знают, что что-то пошло не так.

Тишина в медблоке . За дверью — приглушенный гул вентиляции . Где-то снаружи — серый двор базы , мокрый асфальт, ночь, которая скоро придет. Лиен повернул голову к Джеймсу .

— Дай обезболивающее, — сказал он. Без просьбы.

Просто — как называют следующий пункт.

22 марта 2372 года

Среда. ~17:28.

База отдела , медблок/кабинет Хейза .

Джеймс взял колбу со столика — привычным движением, как берут ключи от машины — и сунул обратно в боковой карман разгрузки . Посмотрел на Лиена . Потом на Келла — Я к Хейзу . — Пауза. — Ты со мной?

Келл уже держал синий иньектор над сгибом локтя эльфа . Большой палец лёг на поршень — аккуратно, без торопливости, как делают люди, которые делали это тысячу раз.

— Обещание есть обещание.

Нажал. Лиен на мгновение зажмурился — единственный живой глаз — и медленно выдохнул через нос. Монитор у кровати зафиксировал, как пульс чуть упал, выровнялся, осел до ровной усталой линии. Не облегчение — скорее край, на котором можно стоять, не падая.

— Хорошо, — произнес Лиен тихо.

Не «спасибо». Просто констатация факта. Келл убрал пустой иньектор в лоток, снял с крюка планшет с медкартой эльфа , что-то быстро черкнул стилусом — две строки, не больше — и повесил обратно.

— Лежи. — Голос ровный, без особого участия. Врач, не собутыльник. — Через два часа придут медики, сменят повязки. Если хочешь жить — не дёргайся и не ври им про аллергии. Повернулся к Джеймсу . — Пошли. Чувствую, мы снова отправляемся навстречу приключениям.

— Это не приключения, — сказал Джеймс . — Это бюрократия.

— Одно страшнее другого.

Они вышли. Дверь медблока закрылась с тихим щелчком. За дверью оба бойца охраны ждали в коридоре — один подпирал стену, второй листал что-то на личном планшете . При виде Джеймса тот, что листал, убрал планшет за спину с чуть виноватым видом.

— Можете вернуться, — бросил Джеймс , не останавливаясь.

Коридор до административного крыла был длинным и пах казенщиной — горячим пластиком, чужим кофе и тем особым сортом усталости, который накапливается в стенах казенных учреждений за годы. Джеймс шёл первым. Правая нога ступала ровно — сервопривод молчал, никакого люфта, никакого гула. Келл двигался чуть позади, держа правую руку свободно, не в кармане — привычка человека, который с перевязанной рукой всё равно прикидывает, как быстро достать пистолет . У поворота на административное крыло им навстречу попался дежурный — тот самый, ночной, с красными глазами, теперь сменившийся на другого: свежий, бодрый, с нейлоновой папкой под мышкой и выражением человека, у которого есть список вопросов.

— Финтег, у меня запрос от...

— Нет, — сказал Джеймс.

— Но сэр...

— Нет.

Дежурный открыл рот, посмотрел на Джеймса, потом на Келла, потом снова на Джеймса и не произнес ничего. Иногда интонация говорит яснее слов. Секретарша Хейза слышала их раньше, чем они завернули за угол — каблук Джеймса и мягкие подошвы Келла давали разный звук, и она успела выпрямиться за столом и приготовить приветливое лицо. Молодая, аккуратная, с волосами, уложенными так, будто их кто-то приклеил. На левом запястье — тонкий нейроинтерфейс, почти декоративный.

— Мистер Финтег, — начала она, — Мистер Хейз сейчас...

— Он здесь? — спросил Джеймс.

— Да, но у него...

— Хорошо.

Джеймс открыл дверь кабинета без стука. Хейз был за столом. Точнее — стоял перед столом, не за ним. Рядом с папкой с рапортом, на которую он смотрел с тем видом, с каким смотрят на подозрительную посылку, когда тикающего звука нет, но он всё равно чудится. Судя по позе — подошёл, потянулся взять, остановился. Вспомнил. Левый глаз у него был жёлто-лиловый — синяк отцвёл, но не ушёл. Рыжая борода была заплетена так же аккуратно, как всегда, но под ней — плотно сжатая нижняя челюсть. При виде Джеймса он не дернулся. Просто выпрямился.

— Финтег.

— Хейз.

Молчание секунды на три. Келл вошёл следом, встал у стены, сложил руки на груди. Наблюдал с видом человека, который пришёл на хороший спектакль и заранее рад представлению. Хейз кивнул на папку.

— Я звонил тебе. Восемь раз.

— Я работал.

— Над рапортом?

— Над рапортом.

Хейз посмотрел на папку. Потом на Джеймса.

— И ты примагнитил к ней...

— Холостую. — Джеймс вытащил сигарету, щелкнул зажигалкой. Закурил прямо в кабинете. — Двадцать две страницы. Полный отчёт. Можешь снять с взвода сам — детектор смещения, магнитный замок. Или позвони мне, и я скажу как. Оба варианта рабочих.

— Ты... — Хейз набрал воздуха. Выдохнул. Снова набрал. — Ты понимаешь, что это не смешно?

— Понимаю. Я и не смеюсь.

Смешного здесь мало. Но без этого он бы не прочитал. А ему надо прочитать.

Хейз медленно обошел стол, сел в своё кресло — подальше от папки. Потёр бровь над подбитым глазом. Посмотрел на Келла.

— Вэйд.

— Мистер Хейз, — вежливо отозвался Келл.

Тон такой, каким отвечают на вопросы, которых ещё не задавали.

— Ты знал?

— Я узнал минуту назад. Вместе с вами.

Пауза.

Хейз посмотрел на Джеймса долгим взглядом — тем взглядом, которым смотрят люди, у которых есть аргументы, но нет сил их произносить.

— Рапорт ты написал?

— Написал.

— Двадцать две страницы?

— Двадцать две.

— И ты хочешь, чтобы я его прочитал.

— Я хочу, чтобы ты его прочитал, — подтвердил Джеймс . — Потому что там написано про промзону Д , пятый сектор, заброшенный распределительный узел, третий уровень, бокс семнадцать. И про то, что у нас есть окно примерно до того момента, как люди на той точке решат, что Лиен Тарвэ либо мёртв, либо говорит.

Выдохнул дым.

— Рапорт содержит рекомендации. Читай.

Хейз смотрел на него. Потом снова на папку .

— Разблокируй.

Джеймс подошёл к столу . Наклонился, левой рукой нашёл под папкой корпус холостой мины — пальцы сработали по памяти, одно движение — нажал сброс, зелёный индикатор моргнул и погас. Отлепил. Положил в карман разгрузки . Выпрямился.

— Читай. — Он указал на папку . — У нас мало времени.

Хейз смотрел на Джеймса ещё секунду. Потом — с тем видом человека, который принял решение не добавлять это в список вещей, о которых он будет думать сегодня ночью — открыл папку и начал читать. В кабинете было тихо. За окном — серый вечерний двор базы , первые огни уровней, дождь, который то ли начинался, то ли не заканчивался. Джеймс стоял и курил. Келл — у стены, с руками на груди и видом человека, который пришёл не за этим, но остался, потому что интересно. Хейз перевернул первую страницу. Потом вторую. Потом — медленнее — третью. Где-то на восьмой он поднял взгляд.

— «Механическое обезвреживание кибернетически усиленного противника», — прочитал он вслух. Без интонации. Просто — как читают формулировки, которые знают, что означают. — Ты серьёзно?

— Это точная формулировка, — сказал Джеймс .

— У него нет рук и ног, Финтег.

— Он представлял угрозу. Рук и ног нет — угрозы нет. Логика безупречная.

Хейз закрыл глаза на одну секунду. Потом открыл и продолжил читать.

22 марта 2372 года

Среда. ~17:31.

Кабинет Хейза , база отдела .

Хейз читал. Медленно, с тем видом человека, который привык, что каждое слово в официальном документе стоит денег или головной боли. Джеймс стоял. Курить уже было скучно. Сигарета — дело рук, и когда руки не заняты, они начинают искать себе применение. Он покосился на окно . На потолок . На Хейза . Потом левая рука нашла в боковом кармане разгрузки то, что искала — без особого умысла, просто по привычке. Граната . Осколочная, стандартная. Чека на месте, усик загнут. Хорошая.

Хейз читает. Не скоро дочитает.

Большой палец прошёлся по кольцу. Указательный нашёл предохранительную скобу. Три движения — и граната лежит в ладони разобранный на половину: корпус отдельно, взрыватель отдельно, чека на мизинце. Не торопясь. Как складывают колоду карт. Потом — обратно. Щелчок. Усик на место. В карман. Хейз перевернул страницу. Не поднял взгляда. Джеймс достал снова. Разобрал. Собрал. Поставил на предохранитель. Убрал. Докурил. Достал.

Двадцать две страницы — это долго.

Разобрал. Подбросил корпус в правой ладони — один раз, без замаха, просто чтобы почувствовать вес. Поймал. Собрал. Убрал.

Келл стоял у стены справа от двери. Стоял уже минут десять. Может, двенадцать. Часы на запястье — аналоговые, без интерфейса — показывали половину шестого. За окном дождь. Хейз читал что-то про огневую позицию у левого технического канала. Это была, судя по всему, страница шестнадцатая. Правая рука чуть ныла под бинтом — не сильно, просто как напоминание, что она есть и была сегодня занята делом. Голова была ясной — морфин давно кончил работать, остался только равномерный усталый фон, который Келл давно научился не замечать.

Есть хочется. Нормально поесть. Не автоматный пайк, а что-нибудь горячее. С ложкой. И спать. Часов восемь. В нормальной постели. И завтра... завтра будет что-нибудь ещё.
Промзона Д. Пятый сектор. Бокс семнадцать. Это не звучит как выходной.

Он посмотрел на Джеймса, который в третий раз методично разбирал гранату на составляющие, и на секунду в Келле шевельнулось смутное уважение к человеку, которому не скучно в принципе — потому что у него всегда под рукой что-то, с чем можно работать руками. Потом Келл зевнул. Громко. Не нарочно. Просто — накопилось. Рот раскрылся сам собой, лёгкие потянули воздух, и звук вышел совершенно нескромный: долгий, искренний, с лёгким подвыванием на выходе. Хейз поднял взгляд. Джеймс обернулся. Келл закрыл рот. Потёр лицо здоровой рукой.

— Прошу прощения, — сказал он без особого раскаяния в голосе. — Восемнадцать часов на ногах.

Хейз смотрел на него секунду. Потом на Джеймса — с гранатой в руке. Потом снова на рапорт. Потёр висок.

— Вэйд. — Голос у него был усталый. — Ты хоть знаешь, что он разбирает?

— Знаю, — сказал Келл. — Я стараюсь об этом не думать.

Хейз закрыл глаза на три секунды. Видимо, считал. Или просто отдыхал от обоих.

— Финтег. Убери.

Джеймс убрал. Без спешки, без комментариев. Щелчок. Карман. Хейза это, кажется, устроило ровно настолько, чтобы вернуться к рапорту. Он перевернул страницу — девятнадцатую, судя по тому, как долго шло чтение — и на некоторое время в кабинете снова стало тихо. Только дождь за окном. И ровный гул вентиляции. И тихий, почти неслышный щелчок предохранительной скобы в кармане разгрузки Джеймса. Хейз поднял взгляд — медленно, с тем выражением человека, у которого кончилось терпение, но не кончился профессионализм.

— Финтег.

— Убрана, — сказал Джеймс ровно. — Просто проверил предохранитель.

Хейз смотрел на него долгую секунду. Потом дочитал двадцать вторую страницу. Закрыл папку. Положил перед собой. Помолчал — не из задумчивости, а из того особого молчания, каким молчат люди, когда им нужно сначала выдохнуть, прежде чем говорить.

— Промзона Д, — произнёс он наконец. — Пятый сектор. Бокс семнадцать.

— Да.

— И ты думаешь, что у нас есть окно.

— Я думаю, что окно уже закрывается. — Джеймс бросил окурок в пепельницу на краю стола. — Тарвэ не явился с грузом. Курьеры не вышли на связь. Заказчик не идиот. Хейз посмотрел на Келла.

— Вэйд. Ты в состоянии работать?

Келл перестал думать про горячую еду и ложку.

22 марта 2372 года

Среда. ~17:33.

Кабинет Хейза , база отдела .

Келл посмотрел на Хейза . Взгляд получился такой, что Хейз — опытный дворф, переживший три административные реструктуризации и одну корпоративную проверку, на долю секунды, кажется, почувствовал под ногами зыбкость почвы.

— Мне нужно выспаться. — Келл произнес это ровно. Потом что-то в нём, видимо, накопилось до нужной отметки, потому что следующее вышло уже громче: — Я не гребаный андроид! Единственный аугмент — это ебаное шило в моей заднице, которое вы мне втыкаете со своими заданиями! Я ХОЧУ СПАТЬ!

В кабинете стало очень тихо. Хейз смотрел на Келла с выражением человека, который открыл холодильник и обнаружил там нечто неожиданное. Джеймс тоже смотрел. С тем же выражением.

— Ну и поесть чуть-чуть, — добавил Келл , тоном на два регистра ниже. — И в медчасть зайти — снять бандаж .

Пауза.

Келл , кажется, хотел сказать ещё что-то — открыл рот, и тут же закрыл — и решил, что достаточно. За окном дождь шёл ровно и без лишних комментариев. Джеймс первым нарушил тишину.

— Бляяя...

Сказал он это задумчиво. Как человек, который взвешивает варианты.

— Хочешь, я тебе выстрелю в стопу? Резко станешь очень больным.

Келл посмотрел на него.

— Хотя нет. — Джеймс уже доставал револьвер . — Лучше я сам застрелюсь.

Хейз открыл рот. Джеймс приставил револьвер к виску и нажал на спуск.

Щёлк.

Сухой, пустой, абсолютно бесполезный звук. Джеймс посмотрел на револьвер . Потом куда-то в сторону, с видом человека, у которого в этот момент идёт внутренняя сверка показаний.

— Забыл перезарядить, наверное...

Убрал револьвер за пояс. Спокойно. Как убирают ключи.

— Значит, придется ехать на ебучее задание.

Хейз сидел совершенно неподвижно. У него было лицо человека, который понял, что сегодня просто такой день, и с этим уже ничего не поделаешь. Джеймс повернулся к нему.

— Хейз . Отправь нормальную поддержку и нюхачей. Нам понять бы — был там кто или нет. Келл — он врач . А я хоть и хорош во взрывах и хаосе, но разведчик из меня никакой.

Хейз медленно потёр переносицу. Потом подбитый глаз. Потом снова переносицу.

— Нюхачей, — повторил он тихо. Не вопрос — просто проговорил вслух, как проговаривают слово на незнакомом языке. — Финтег. У меня сейчас на всю базу двенадцать боеспособных единиц. Четверо на карантине, трое в промзоне Б по контракту с портовыми. Оставшиеся — охрана периметра и два дежурных.

Пауза.

— Разведывательной группы нет. Есть Мартин — он техник и не паникует, это уже что-то. И есть Зара — она оборотень, обоняние рабочее, ориентируется в промзонах. Обоих могу отправить с вами.

Он посмотрел на Келла .

— Вэйд. — Голос стал немного тише. Не мягче — просто без казённой жёсткости. — Два часа. Медчасть , еда, потом поспи хоть немного. Я дам тебе два часа.

Потом посмотрел на Джеймса .

— Выход в двадцать ноль-ноль. — Он взял папку с рапортом и убрал её в ящик стола . — Поддержку дам. Транспорт — грузовой, без опознавательных знаков. Промзона Д — не наша территория, там корпоративные патрули «Армакор» . Открытого конфликта избегать.

Пауза.

— И Финтег.

— Что.

— Давай потише там. Пожалуйста.

Джеймс не ответил. Просто достал револьвер , открыл барабан, посмотрел внутрь — три гильзы, три пустых гнезда — и убрал обратно с тем видом, который мог означать «займусь» или «не твоё дело», и, скорее всего, означал оба варианта одновременно. Хейз отвернулся к окну . За стеклом — серый двор базы , дождь, первые огни нижних уровней. Где-то там, за промышленным туманом и гнилым светом неона, промзона Д жила своей жизнью. Или уже не жила. Или ждала.

— Два часа, — повторил Хейз , не оборачиваясь. — Оба. Идите.

Глава 3.

22 марта 2372 года

Среда. 17:34 — 19:55.

Кабинет Хейза, база отдела .

Джеймс наклонился, подобрал револьвер с пола — тот лежал у ножки стола стволом вниз, как будто сам упал от стыда. Сунул за пояс. Выпрямился. Рука привычно нашла гранату в боковом кармане разгрузки . Нащупала. Сжала. Пальцы сами собой потянули её наружу — и тут что-то пошло не так. Не резко, не драматично. Просто граната выскользнула из захвата, ударилась о край разгрузки и упала на пол с коротким металлическим стуком. Хейз поднял взгляд от окна . Джеймс посмотрел вниз. Посмотрел на Хейза . Без спешки, с тем видом, каким смотрят на незначительное событие, которое тем не менее требует принятия решения. Дал гранате секунду покататься по полу . Потом аккуратно пнул её ногой в сторону стола Хейза — не сильно, не резко, просто по ровной дуге — и повернулся к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.